

18+

ХРУПКИЕ СОЗДАНИЯ

NETFLIX

ОРИГИНАЛЬНЫЙ
СЕРИАЛ
NETFLIX

СОНА
ЧАРАЙПОТРА
ДОНИЭЛЬ
КЛЕЙТОН

**Дониэль Клейтон
Сона Чарайпотра
Хрупкие создания
Серия «КиноBest»**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63667386*

*Хрупкие создания: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-115688-6*

Аннотация

На что ты готова, чтобы стать прима-балериной в элитной школе?

Джиджи, Бетт и Джун, три лучшие ученицы балетной школы на Манхэттене, не понаслышке знают, что такое быть в центре скандалов. Джиджи – свободолюбивая новенькая, которая просто хочет танцевать, но танцы в буквальном смысле могут её убить. Бетт – местная девчонка из привилегированной семьи, пытающаяся выйти из тени своей звездной сестры и готовая ради этого на все. Джун – перфекционистка, обязанная во что бы то ни стало заполучить главную роль именно в этом году, иначе ее мать, помешанная на контроле, заберет ее из школы.

Здесь любой танцор может стать как другом, так и врагом. Девушкам придется жертвовать, манипулировать и быть

готовыми ударить соперницу в спину, чтобы стать лучшей из лучших.

Содержание

Кэсси	6
Акт первый. Осенний сезон	15
1. Бетт	15
2. Джиджи	22
3. Джун	28
4. Джиджи	36
5. Бетт	45
6. Джун	52
7. Джиджи	62
8. Бетт	73
9. Джун	87
10. Джиджи	98
11. Бетт	106
12. Джун	114
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Дониэль Клейтон, Сона Чарайпотра Хрупкие создания

Sona Charaipotra, Dhonielle Clayton

TINY PRETTY THINGS

В оформлении издания использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Netflix 2020

© 2015 by Sona Charaipotra and Dhonielle Clayton

© Е.А. Шабнова, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Навдипу — за все, что ты уже сделал и
продолжаешь делать для того, чтобы наша магия
воплотилась в жизнь*

Кэсси

Я умираю – снова и снова. Не по-настоящему, но это похоже на смерть. Мышцы растягиваются и горят огнем – вот-вот порвутся. Кости того и гляди вывернутся из суставов. Позвоночник сворачивается в немыслимые фигуры. Вены на руках вздуваются от напряжения. Кисти рук трясутся – изящные жесты дорого обходятся. Пальцы ног страдают в розовой тюрьме пуантов, на коже остаются созвездия волдырей и синяков.

Со стороны кажется, что все так легко. Так бесконечно красиво. А ведь только это и имеет значение.

Студия «Б» сегодня похожа на аквариум. Я молюсь, чтобы его стеклянные стенки занавесили плотной тканью. Взгляд Лиз обжигает: она прижалась лицом к стеклу, чтобы лучше нас разглядеть. Я знаю, она мечтает обо всем этом даже сильнее, чем я, но одного только желанья мало. Лиз утверждает, что все заплачено, да и взяли меня только потому, что я племянница мистера Лукаса. Сама я, конечно, этого не слышала – Бетт рассказала мне о вчерашнем пьяном монологе своей подруги. Но я-то знаю: я добилаь всего сама.

Морки рывкает, давая указания девочкам из кордебалета, а потом поворачивается к пианисту, чтобы задать темп. Мы

ставим весеннюю «Сильфиду»¹. Меня, единственную из девочек шестой группы, выбрали в качестве солистки. И балерины делают вид, будто рады за меня, – почти все, – но каждая надеется: я не справлюсь. Ни за что не доставлю им такого удовольствия. Хотя быть самой юной в коллективе – безумно тяжело.

Раньше меня постоянно спрашивали, вправду ли мне пятнадцать. Хотелось соврать и ответить, что на самом деле уже семнадцать. Или даже восемнадцать. Как и им.

Наблюдаю за пируэтами танцовщиц и фальшиво улыбаюсь. Меня не сломить. Я и виду не подам, как мне тяжело. Мышцы горят, опустошенный после вчерашней вечеринки желудок ноет. Нельзя было поддаваться уговорам Бетт. Теперь вот пожинаю плоды.

Музыка внезапно обрывается, и Морки нависает над Сарой Такахаши, заставляет ее кружиться снова и снова, выкрикивает приказы на русском – будто бы Сара ее понимает. Наконец она кланяется, и Морки совсем слетает с катушек.

Сара – моя дублерша из восьмой группы. Роль сильфиды² должна была достаться девочке из этой группы, чтобы какой-нибудь балетмейстер заметил ее талант и пригласил в профессиональную труппу.

Пока есть время, прокручиваю в голове свое соло: каждое

---

¹ «Сильфида» – романтический балет в двух действиях Филиппо Тальони. – *Примеч. ред.*

² Сильфиды – духи воздуха в средневековом фольклоре.

движение, каждый такт музыки. Морки показывает выпады медленно, отчетливо ступая в своих маленьких балетках с каблучками. В свои семьдесят она все еще воплощение грации – настоящая *danseuse russe*, русская балерина.

В студию проскальзывает Бетт. Она не придерживает дверь, чтобы все слышали: она здесь. Ненавижу эту ее способность заявлять о своем присутствии всему миру, но никогда в этом не признаюсь. На нее все пялятся – на светлые волосы, затянутые в пучок, на дизайнерскую юбку, похожую на сладкую вату, на губы, умело подкрашенные розовой помадой... Бетт опускается на пол позади всех, недалеко от горы сумок.

Ходят слухи, что место в студии досталось ей благодаря толстому маминому кошельку, но я в этом сомневаюсь. Она ведь действительно хорошо танцует. И всегда мне помогает: защитила перед Лиз и остальными, когда я только сюда приехала, показала, где тут что, угрожала девчонкам, которые меня задирали.

Уилл заходит сразу после: рыжие волосы уложены гелем, сценический макияж идеален. Он посылает мне воздушный поцелуй – его своеобразный привет. Утром сказали, что он будет дублером моего партнера. Уилл садится рядом с Бетт.

Морки вызывает меня в центр зала. Звучит легкая, безмятежная музыка – под такую только порхать. Обычно я растворяюсь в ней, и мелодия сама несет меня вперед, превращает в лесную фею, влюбленную в шотландского мблодца.

Но сегодня я ощущаю себя запертой в чересчур длинном, неуклюжем теле. Скольжу над полом, стараясь ступать в нужные места, но мышцы напряжены. Ловлю себя на том, что смотрю вниз, на отметки, и поднимаю взгляд. Сосредотачиваюсь на музыке. Стараюсь не думать о каждом движении в отдельности. Старая привычка. Плохая привычка. Должна бы уже давно знать все наизусть. Я убеждаю себя, что легка как воздух. Но ноги мои этого не понимают, движения скованны.

– Давай-давай!

Голос Морки эхом отдается от зеркал. Улыбка сползает с моего лица. Под ее взглядом я теряю всю грацию. Уверенность покидает меня, испаряется вместе с выступившим на коже потом.

Скотт ждет меня у левого края воображаемой сцены. Подлетаю к нему, подаю руку – он прижимает меня к груди. Морки перекрикивает музыку:

– Улыбайся! Ты же влюблена!

В зеркале отражается моя вымученная улыбка. Подбираюсь, когда руки Скотта сжимают мою талию. Морки машет руками, останавливая нас в полуподъеме.

– Влюбленность! Не вижу ее! Где она, где? – Морки жестом выгоняет меня из центра. – Может, мы ошиблись в тебе, Кассандра? – Русский акцент придает ее словам остроты, и они режут лучше всякого ножа. – Покажи давай, за что тебя выбрали.

Она снова машет тонкой рукой. На мое место встает Сара, чтобы отрепетировать со Скоттом подъем, который я сделать не смогла. Успокаиваю себя, повторяя: это необходимо. Он должен уметь поднимать и меня, и Сару. На всякий случай.

Расстроенная, направляюсь в дальний угол, где сидят Уилл и Бетт.

– Ты должен... – шепчет Бетт, но Уилл, заведя меня, на нее шикает.

– Эй. – Он улыбается и показывает на свободное место рядом. – Не задалось, да?

Перевожу дыхание и стираю с верхней губы капельки пота. Бетт пялится на меня, и под ее взглядом я чувствую себя отвратительно: тяжелой и лишней. Уилл печально вздыхает, словно я щенок, которого только что пнули.

– Не принимай близко к сердцу, – продолжает он. – Морки просто монстр.

– Ты как? – Бетт натянуто улыбается.

– Не знаю, что на меня нашло. – Закрываю глаза и тянусь всем телом. – Вчера все было в порядке. Ну, вы видели.

– Ты как будто его боишься. – Уилл кивает в сторону Скотта. – Стесняешься, что ли?

– У меня вообще-то парень есть, – отвечаю резче, чем следует. Вот бы Анри был здесь, но он сейчас в Парижской оперной школе. Его рукам я хотя бы могу доверять.

Тут же извиняюсь. Не понимаю, что со мной.

Бетт хмыкает:

– Перебрала с алкоголем?

Вчера она все подливала и подливала мне дорогого вина, которое вытащила из маминых запасов. Хотя я отказывалась.

Киваю, радуясь такому простому объяснению.

– Надо было сразу спать пойти.

– А ты не пошла? – Бетт удивленно хмурит брови.

– Иногда я танцую по ночам, чтобы уложить все в голове перед сном.

Прикладываю ко лбу руку – с чего это из меня сегодня сыплются откровения? Но я доверяю Бетт. Алек за нее поручился, хотя поначалу я сомневалась. К тому же Уилл – его лучший друг.

– Ноги не держат. – Прижимаюсь спиной к стеклянной стене, за которой улица. Солнечное тепло прогоняет холод, поселившийся внутри. На дворе весна, но я все равно мерзну.

– Что же мне делать? – размышляю вслух.

Бетт и Уилл переглядываются. Они знают, как угодить Морки. Они же здесь давно.

– Соберись, – говорит Бетт, смахивая со свитера невидимую ниточку. – Морки не терпит драм и отговорок. – Она наклоняется и делает растяжку, разогревается, словно пришла сюда не просто посидеть в сторонке. – И постарайся больше столько не пить.

– Бетт! – одергивает ее Уилл.

Слышать это неприятно, но виду я не подаю. Шепчу:

– До вчерашнего я ни разу не пила.

Если Бетт и удивлена, то не показывает этого.

Мне сложно в этом признаться. До того как переехать в Нью-Йорк, к семье моего кузена Алека, и поступить в балетную школу, я только и делала, что танцевала, училась или ждала звонка от Анри, сидя на диване с моей британской приемной матерью. Нью-Йорк совсем не похож на Лондон.

– Не думала, что мне так сильно ударит в голову.

Мне хочется пожурить Бетт за то, что она мне столько подливала, но я этого не делаю. Она ведь мой единственный настоящий друг здесь, в Нью-Йорке. Нельзя же вот так просто все разрушить.

– У всех бывают «не их» дни. – Уилл успокаивающе гладит меня по ноге. Будто это поможет.

На глаза наворачиваются слезы. Я слизываю с губ клубничный блеск и слышу голос матери, которая меня за это ругает. Она всегда говорила, что леди так не делают.

Оглядываюсь, оборачиваясь, и вижу, как Сара Такахаши выполняет подъем, который не смогла сделать я. Морки ей подмигивает.

– Не волнуйся, Кэсси, – радостно возвещает Бетт. – Уилл тебе поможет. Мне вот всегда помогает.

Слово «всегда» она произносит с нажимом. Взгляд Уилла блуждает по студии, словно он следит за мухой.

Бетт дарит мне ослепительную улыбку – такую широкую,

что я могу пересчитать все ее зубы. Идеальную, как и вся она.

Меня снова вызывают в центр зала. На этот раз вместе с Уиллом. Чувствую, как Бетт смотрит на него, пока Морки показывает нам следующие несколько па. С болезненной сосредоточенностью, каждый сам по себе, мы запоминаем движения. У нас уходит почти час на то, чтобы вызубрить их, и только потом Морки позволяет нам попробовать самим. Наконец я стою в центре, готовая показать все, на что способна.

Жду, когда зазвучит музыка. Разум мой спокоен, исчезло все: тревога, критика, лица за стеклом. Я вижу только Уилла и представляю на его месте Анри. Делаю первый шаг, становясь музыкой. Каждое движение руки – верное. Я прыгаю, и кружусь, и взлетаю, и скольжу. Я порхаю.

– Следи за музыкой! – кричит Морки.

Руки Уилла на моей талии. Подъем. Он поддерживает меня правым плечом так, словно я ничего не вешу.

– Она же не коробка, Уильям, – говорит Морки. – Она драгоценность. Так с ней и обращайся. Как с самым дорогим, что у тебя есть.

Его пальцы впиваются чуть ли не прямо в кости – Уилл пытается меня удержать.

– Прекрасно, прекрасно! – Морки перекрикивает музыку. – Кассандра, улыбайся!

Улыбаюсь изо всех сил. Смотрю в зеркало, слышу только

наставления Морки. Делаем «рыбку»³ – медленно, грациозно, сосредоточенно. Но что-то идет не по плану. Уилл делает неверное движение, и меня качает назад. Пытаюсь восстановить равновесие, но поздно. Уилл как будто обессилел. Такого раньше не случалось. Поддержки нет, и я падаю на правую ногу.

Я словно срываюсь со скалы. И лечу вниз, к полу, целую вечность.

---

³ Pas de poisson (*фр.* буквально «движение рыбки») – прыжок в балете с одной ноги на другую, при котором ноги отбрасываются далеко назад. Танцовщица может выполнять прыжок с поддержкой партнера. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

Акт первый. Осенний сезон

1. Бетт

Говорят, ожидание слаще, чем то, чего ждешь, так что я планирую насладиться этим состоянием по полной. Мистер К. любит тянуть кота за хвост.

Мы столпились вокруг него в зале Американской балетной школы – скоро он произнесет свою ежегодную речь о «Щелкунчике», в которой огласит распределение ролей. Дважды в год, осенью и весной, студенты заменяют профессиональных танцоров на одно представление в Линкольн-центре. Это испытание наших характеров. Вкус нашего будущего.

По этому списку можно судить, чего ты стоишь в этой школе, главном поставщике профессиональных балерин Америки. Я стою немало.

Мы с Алеком держимся за руки, и я не могу перестать улыбаться. Через пару мгновений я увижу свое имя там, на стене, напротив феи Драже, и тогда начнется моя настоящая жизнь.

Моя старшая сестра Адель танцевала фею Драже шесть лет назад, пока я прыгала по сцене в роли херувима – золотые крылья, губы накрашены помадой моей матери. Тогда

ожидание не казалось таким уж сладким. Само действие было гораздо лучше: колючие колготки, сладкий, металлический запах лака для волос, сияющий венец в волосах. Блестки на щеках. Страх перед тем, как выйти на сцену, и лавина радости после. Цветы, поцелуи мамы и руки отца – он поднял меня в воздух и назвал «принцессой». Вот что было лучшим переживанием тогда.

Входные двери закрыты на засов – речь мистера К. настолько важна. Сквозь большие окна вестибюля мне видно людей с покрасневшими от холода носами, они сбились в кучу, сражаясь с октябрьским ветром. Им приходится ждать на лестнице, на площади Розы Эбни, названной в честь моей бабушки. Двери не откроют, пока мистер К. не закончит говорить. Людям придется мерзнуть.

Мистер К. поглаживает ухоженную бороду – значит, вот-вот начнет. Я выучила его привычки благодаря Адель, prima-балерине профессиональной труппы.

Выпрямляю спину и кладу руку Алеку на шею, легонько поглаживаю то место, где начинают расти его светлые волосы. Он улыбается. Мы – идеальное воплощение пары солистов, которые невообразимо долго ждали возможности станцевать в зимнем балете, но были готовы к этому давным-давно.

– Момент истины, – шепчу я.

Алек улыбается и целует меня в лоб. Он тоже взволнован. А я уверена, что через пару мгновений снова смогу любить

балет.

Мы оба на хорошем счету.

Я помню, какой счастливой выглядела Адель, танцую фею Драже. Эта роль помогла ей получить место в труппе сразу после выпуска. Хочу чувствовать то же, что и она. Никто мне не помешает. Даже Лиз в этом году не так уж хороша. В классе нет никого, кто смог бы делать то, что делаю я.

Опускаю руку и стискиваю ладонь Алека. Его лучший друг – Уилл, с которым я больше не общаюсь, – прожигает меня взглядом. Завидует.

Родители и другие родственники за нашими спинами замолкают.

– Возможность танцевать в «Щелкунчике» – не просто тренировка вашей техники.

Мистер К. делает паузу. Он всегда говорит медленно, словно придумывает речь на ходу, хотя произносит похожие слова каждый год. Но я все равно вслушиваюсь в каждое слово так, словно слышу впервые. Мистер К. всегда продумывает свои слова, тщательнее всех, кого я знаю. Он смотрит мне в глаза, и я знаю, что он только что подтвердил мою судьбу. Его взгляд не случаен. Как иначе? Я чуть склоняю голову в знак уважения и не могу сдержать улыбки.

– Техника – основа балета, но танец зарождается и оживает в вас самих. Вашей личности. В «Щелкунчике» каждый персонаж – важная часть балета как целого, и поэтому мы так тщательно отбираем роли. Ваша сущность выражается

в вашем танце. Все мы до сих пор помним Джерарда Селлинга в роли Мышиного короля прошлой зимой и Адель Эбни, которая танцевала фею Драже. В их выступлении была и невероятная техничность, и неповторимая радость, и красота. Из учеников они превратились в настоящих художников, как гусеницы, покинувшие свои коконы и ставшие тем, чем и должны стать, – бабочками.

Мистер К. всегда называет нас бабочками. Не своими учениками, не танцорами, не атлетами или балеринами. Бабочками.

Когда мы выпустимся, он преподнесет лучшему танцору ожерелье с бриллиантовой бабочкой – Адель снимает свое только на время выступлений.

– Джерард и Адель добились успеха благодаря тому, как они исполнили партии Мышиного короля и феи Драже, – добавляет он. – Благодаря тому, как они вжились в роли.

Я склоняю голову еще ниже. То, что мистер К. упомянул мою сестру, – тоже знак. Про Адель и ее фею Драже до сих пор говорят. Шесть лет спустя! Она была всего лишь в шестой группе, ей даже пятнадцати не исполнилось. Никогда еще на эту роль не брали девушку столь молодую, в обход танцовщиц из восьмой группы.

Мне тогда было семь. Я горячо обнимала сестру, поздравляла ее с выступлением, когда к нам подошел мистер К. И загадочно улыбнулся.

– Адель, да ты сияешь! – сказал он.

С тех пор мне страшно хотелось, чтобы он сказал то же и обо мне. Но он ни разу этого не сделал. Пока.

— А ты, маленькая Бетт! Готов поспорить, совсем скоро ты пойдешь по стопам своей сестры. И однажды доберешься до феи Драже. — Мистер К. подмигнул мне.

Сейчас он наверняка вспоминает тот разговор. И напоминает о нем мне — о своем предсказании. Оно наконец сбывается.

Я почти подскакиваю на месте от волнения. Алек сжимает мою руку.

Голос мистер К. смягчается:

— Юная Клара, например, должна быть милой и каждым своим движением пробуждать дух Рождества.

Его взгляд останавливается на одной из *petit rat*, крысят,⁴ — в нежно-голубом леотарде и с темными волосами, свернутыми в аккуратный пучок. Она краснеет. Я радуюсь за маленькую Мару. Я танцевала Клару, когда мне было одиннадцать. Мара заслуживает весь тот восторг, который испытывала тогда я.

Даже годы спустя я думаю о том дне как о самом радостном выступлении в жизни. Сразу после рождественского сезона мама начала показывать мне старые записи с Адель и сравнивала ее технику с моей. И тогда между мной, матерью и Адель все изменилось, как в плохой ТВ-драме. У ме-

---

⁴ Так называли совсем юных танцоров, репетировавших под крышей Парижской оперы, за издаваемый ими характерный шорох. — Прим. ред.

ня кружится голова от одной мысли об этом. Я до сих пор слышу шум рентгена – так, словно это было вчера. Лучше об этом вообще не вспоминать, и я на секунду прикрываю глаза и очищаю мысли. Легонько стискиваю ладонь Алека и сосредотачиваюсь. Мое время пришло.

– Дядюшка Дроссельмейер должен быть загадочным. Человеком, хранящим секрет, – продолжает мистер К. – Щелкунчик – держаться по-королевски уверенно.

Мистер К. задерживает взгляд на Алеке, и тот ослепительно улыбается. Еще бы, это ведь его точное описание. Чуть сильнее к нему прижимаюсь. Он отпускает мою руку и обхватывает мои плечи. Этот момент и так восхитителен, а внимание Алека делает его еще лучше.

Мистер К. называет еще парочку персонажей, описывает их качества. Я приглаживаю волосы – все должно пройти идеально.

– А фея Драже, – мистер К. смотрит на всех нас, – должна быть не только красивой, но и доброй, полной радости, загадочной и игривой.

Он ни на ком не останавливает взгляд, и это странно. Неужели забыл, где я стою? Наверное, мистер К. так развлекается. Специально затягивает ожидание.

Описание идеальной феи Драже совсем не похоже на меня. Но роль моя. Я знаю это точно, потому что мистер К. говорит:

– Но самое главное, фея Драже должна сиять.

Я снова сжимаю руку Алека. Роль точно моя. Я сияю, как сияла Адель. Это моя роль. Всегда была моей.

Но мистер К. по-прежнему не смотрит на меня.

2. Джиджи

Я так сильно прикусила нижнюю губу, что чувствую вкус крови, и ранка пульсирует сильнее, чем сердце у меня в груди. Но я лишь сильнее впиваюсь зубами в собственную плоть – не могу остановиться. И в уборную не пойду, чтобы глянуть в зеркало, что я там натворила. Нельзя все пропустить.

Мы стоим плечом к плечу, целое море бумажных кукол. Стоит ветру дунуть посильнее, и мы взметнемся, как осенние листья, и вылетим прямо через окно в холле. Мы – свет, ранимый и неясный.

Я ужасно нервничаю, и это прекрасно. Даже совсем молодые балерины, крысята, грызут ногти. И парни затаили дыхание. Когда мистер К. делает паузу, в тишине бурчат полупустые желудки, измученные балетной диетой из грейпфрутов и чая.

Мы внимательно слушаем. Шепот подобен взрыву фейерверков. Русский акцент придает словам мистера К. веса и важности. Он вышагивает перед нами, и запах сигарет и перегара обволакивает нас. Я так пристально слежу за его словами, словно могу поймать их в банку, как бабочек, одно за другим.

Остальные учителя стоят позади него. Их пятеро, с мистером К. шестеро. Тех, кто решает нашу судьбу. Виктор ак-

компанирует на пианино. Он самый низкорослый. На губах у него вечная усмешка, в зубах – сигарета, и он редко открывает рот, но знает многое – все то, что учителя о нас думают. Морки и Павлович – балетные учительницы. Мы зовем их близнецами, хотя они не сестры и вообще ни капельки не похожи. Они щурят на нас глаза, словно мы – призраки и разглядеть нас трудно. Еще есть мистер Лукас, глава собрания и отец Алека, и Дубрава, еще один учитель. Мистер К. поздравляет нас с тем, как профессионально мы держались на пробах. А потом весь учительский состав запирается в офисе администрации. Кто-то предполагает, что они пошли за списком. Без них в зале становится легче дышать.

Вспыхивают негромкие разговоры. Я вылавливаю из шума слова «новенькая», «черная» и «девчонка». Я здесь уже месяц, но первая важная проба заставляет меня чувствовать, что цвет моей кожи – как свежий солнечный ожог. Я – единственная темнокожая балерина в школе, не считая Майи, но она еще совсем маленькая. Чаще всего я стараюсь об этом не думать, ведь я такая же, как и большинство: обучалась по классическим канонам, приехала изучать русский стиль балета, надеюсь попасть после школы в труппу. Но здесь цвет кожи значит гораздо больше, чем в моей старой калифорнийской студии. Там мы держались за руки, когда объявляли роли, обнимали и поздравляли друг друга.

Аврора в «Спящей красавице», Китри в «Дон Кихоте», Одетта в «Лебедином озере» – цвет кожи не важен. Никто

не задавался вопросом, как они будут выглядеть на сцене. И строение тела мало волновало. Никто не говорил о страсти русских к «белому» балету, о труппе светлокожих танцоров, об идеальном эффекте. Здесь мы все носим пучки и цветные леотарды – разные для каждой возрастной группы, – красимся перед занятиями и изучаем стиль Вагановой⁵. Мы следуем традициям и старым привычкам. Таков русский путь. Его я хотела изучать. Упрашивала родителей отправить меня в школу на другой конец страны.

Элла, моя лучшая подруга из Калифорнии, считала, что я сошла с ума. Она не понимала: для меня балет – это все. Я не могу представить, что буду заниматься чем-то другим.

Кто-то шепчет: «Кого же выберут на роль феи Драже?», но вопрос тонет в шиканье. Мы и так знаем, что это будет Бетт. Все мечтают о соло. Все хотят стать примой Американской балетной школы. Все хотят место в труппе. Все хотят быть любимицей мистера К. Даже я.

В окно светит луна, хотя сумерки еще не наступили. Дома сейчас полдень. Мама наверняка уже закончила работать в саду. Интересно, ждет ли она объявления наших ролей, прониклась ли она наконец балетным духом? Она хотела, чтобы я продолжала танцевать в местной студии. Чтобы балет остался забавным хобби.

---

⁵ Стиль Вагановой является продолжением и развитием традиций французской, итальянской и русской школ, разработан русской танцовщицей и педагогом Агриппиной Яковлевной Вагановой.

– Ты ведь можешь навредить себе, – сетовала она перед тем, как отпустить меня на пробы. Словно балетные травмы – это что-то вроде синяков от падения с велосипеда.

– Заболеешь. А то и вообще умрешь, – добавляла мама. О смерти она говорила чаще всего.

Я борюсь с нервами. С тоской по дому. С комком в горле, который растет, когда я окидываю взглядом зал и в очередной раз убеждаюсь: я – единственная темнокожая балерина в высших балетных группах. Мне одиноко. Большинство учеников здесь уже несколько лет: моя соседка Джун, Бетт и Алек, которым наверняка достанутся ведущие партии в этом году. Наблюдаю за тем, как Бетт прижимается к Алеку, – идеальная пара. Слышу, как она вздыхает в ожидании своего большого момента. Сдерживаю вздох. Я новенькая, и мне не стоит хотеть того, что есть у нее. Ни роли. Ни Алека. Но что поделать?

Отворачиваюсь, пытаюсь отвлечься. Поднимаю взгляд на сотни черно-белых портретов выпускников Американской балетной школы, которые стали солистами, преподавателями или стажерами в Американской балетной труппе. Все стены увешаны их изображениями: они смотрят на нас, напоминая, что всегда есть куда стремиться. Среди них лишь два темных лица, и это за пятьдесят лет истории. Мое лицо будет третьим. Я обязательно попаду в профессиональную труппу и докажу родителям: к этому готова я вся – и руки, и ноги, и разум. И сердце.

Ищу в толпе тетю Лиа: на ней легинсы и платье, которое она связала сама. Слышу, как тетя чересчур громко представляется остальным родителям и опекунам – сообщает, что она младшая сестра моей матери и куратор галереи в Бруклине. Замечает меня, улыбается и машет рукой. В розовой вязаной шапочке и со смуглой кожей, усыпанной веснушками, тетя Лиа выделяется в этой толпе так же сильно, как и я, а она ведь живет в Нью-Йорке уже не первый десяток лет. Машу ей в ответ. Девочки рядом со мной напрягаются. Моя соседка, Джун, делает шаг в сторону. Дажедвигаюсь я слишком громко, но мне все равно.

Дверь кабинета распахивается, и скрип петель заставляет всех умолкнуть, затаить дыхание. Я прижимаю к груди ладонь. Мистера К. встречают аплодисментами. Его секретарь подходит к доске, у него в руках бумаги. Мистер К. оглядывает зал.

– Подождите! Стойте, стойте! – Он поднимает руку, и секретарша останавливается.

Мистер К. проходит сквозь толпу. Он темен, почти зловец – одет во все черное. Антон Козлов, русский танцор.

Меня трясет от волнения.

Перед мистером К. расступаются, расчищают путь. Опускаю взгляд. Рядом с ним мне всякий раз неуютно, так и не смогла от этого избавиться. Я унимаю дрожь в руках, заставляю мышцы расслабиться, а сердце – замедлить ход. Слышу, как учащается дыхание соседок. Все мы – клубок нервов и

сосредоточены до тошноты. Стараюсь использовать мамину успокаивающую технику: представляю, как слушаю шум моря через большую розовую ракушку, которую отец прошлым летом нашел на Гавайях. Настраиваюсь на знакомые звуки, но выходит плохо. Слышу шаги, вижу свое отражение в начищенных до блеска черных туфлях. Мистер К. касается моего подбородка, и через мгновение я смотрю в его зеленые с искорками глаза. На лбу выступает пот. Чувствую привкус крови во рту и вспоминаю мамины краски. На меня все смотрят. Даже учительницы.

Родители замолкают, и тетя Лиа тоже. Облизываю пульсирующую ранку на губе. Лицо мистера К. маячит передо мной. Я краснею и не могу отвести взгляд. Все вокруг замирает.

3. Джун

Мистер К. прервал свою речь из-за Джиджи. Это ужасно, конечно, но мне нравится видеть, как ей прилетает за задумчивость. Интересно, все калифорнийцы такие? Пусть знает свое место. Мистер К. не говорит ни слова, но я-то знаю, что он имеет в виду: слушай внимательно. Всегда.

Я отпиваю чая из термоса, чтобы скрыть улыбку. Горькие ягоды китайского лимонника греют и успокаивают желудок. Борюсь с желанием отойти в уборную, чтобы склониться над фаянсовым другом и выблевать сегодняшний обед. Но как такое пропустить? Надо быть в курсе событий.

Секретарша мистера К. прижимает список к сердцу, словно мы ринемся выцарапывать его... Хотя мы могли бы.

– Сияние, – произносит мистер К., а потом повторяет это еще раз пять, просит танцоров дать определение слова, описать, как оно должно смотреться на сцене, грозит перенести результат распределения ролей на попозже, если ему не ответят.

Танцоры дрожат и запинаются – какие уж там ответы? Если б меня спросил, я бы сразу ответила: сияние на сцене внутреннее. Это значит не играть персонажа, а быть им. Такое мало кому под силу, но мне – так точно. Но ролей мне не дают, как бы удачно ни проходили пробы. Нужно время.

Позвоночник словно щекочут изнутри: волнение, трево-

га, нервы. Я этим наслаждаюсь. У моих однокурсников ветер в голове, они заиклены на собственных эмоциях и не могут объективно смотреть на вещи. Они не обращают на мир должного внимания. Если бы обращали, то уже знали бы, как распределили роли. Мистер К. не меняется. Те, кто здесь давно, знают о его привычках все. У новичков нет шансов. Балет – это рутина, постоянная тренировка, чтобы мышцы беспрекословно повиновались мысли. Я занимаюсь здесь с шести лет – моталась туда-обратно из Квинса, пока не переехала в общежитие. Я знаю, как тут все устроено. Распределение ролей в «Щелкунчике» – все к этому сходится. Первая постановка учебного года. С него все начинается.

Жду не дождусь, когда наконец-то смогу принять в нем участие. Для меня Американская балетная школа давно стала домом – даже больше домом, чем та дряная квартирка во Флашинге, где я жила с матерью. Мне знаком здесь каждый уголок, все студии и кабинеты, кафе, студенческий зал, моя угловая спальня. Я знаю, что лифт не останавливается на тринадцатом и восемнадцатом этажах. Знаю, какая лестница приведет вас на этажи мальчиков, знаю имена всех танцоров на черно-белых фотографиях, знаю тихие местечки для занятий или укромные закутки для темных делишек. Не то чтобы я там часто с кем-то зажималась. Не то чтобы я вообще там зажималась.

Толпа в холле растет. Это родители. Кто-то открыл внешние двери, и родители пришли забрать крысят и узнать о ре-

зультатах проб. Когда-то бывшая жена мистера К., Галина, балерина Парижской оперы на пенсии, собирала нас, ее крысят, в кучку, чтобы мы тихонько наблюдали за старшими. Любой уважающий себя танцор просит родителей не лезть в это дело или дождаться новостей по телефону. Мистер К. не любит, когда мы ведем себя как дети. Моих родителей здесь, конечно, нет. Мать вообще отказывается сюда заходить. Иногда она подъезжает к школе, чтобы всучить мне рисовых пирогов, кучу упаковок водорослей и чай. А отца у меня и вовсе нет.

Тетка Джиджи, у которой огромная копна волос, все ближе придвигается к ученикам и слишком громко разговаривает. Это отвлекает: мистер К. дошел до того, как ему нелегко дались пробы в этом году. Я плююсь на затылок Джиджи, надеясь прожечь в нем дыру. Вот бы сказать ей, чтобы приструнила свою тетю. Хочу прошептать сквозь зубы – *joyonghae*, «Тише давай!» – как всегда делает мама. Я хочу слышать каждое слово. То, что он скажет; определит, как далеко я продвинулась; что он думает обо мне теперь. Мистер К. замолкает, и родители неловко хлопают. Он кивает и прикладывает палец к губам. Может, еще скажет о чем-нибудь?

Хотя вряд ли. Я бы смогла произнести речь за него. Я знаю, что в этом списке, который блондинка-секретарша вешает на доску. Джиджи стоит прямо передо мной. Ее трясет. Она словно маленький зверек перед стаей волков. Я чувствую ее страх и волнение. Мистер К. наверняка отдал ей

роль Арабского Кофе, как той темнокожей девочке два года назад. Джиджи такая же *экзотичная*. Я не помню даже имени той девчонки, уж больно быстро она сдалась, когда стало совсем тяжело. Она все жаловалась, как сложно быть единственной афроамериканкой в школе. Ха, попробовала бы быть единственной наполовину азиаткой. Вообще некуда приткнуться. Это тяжело. И мистер К. всегда отдает экзотические роли нам, этническим меньшинствам. Стае корейских девочек наверняка достанутся роли Китайского Чая. Но я выгляжу *недостаточно азиаткой* для такого точного распределения. Да я и не хочу быть Чаем. Хочу быть на другом конце спектра.

Все знают, что Бетт Эбни сыграет фею Драже. Ее сестра когда-то станцевала эту роль идеально, и разговоры о ней не затихают до сих пор. К тому же дрянные девчонки всегда получают то, что хотят. Бетт сияет и вполосину не так ярко, как Адель, но мистер К. все равно отдаст роль ей. Шаг ее легкий и быстрый, и она очень изящна. Мы не друзья (никогда ими не были и никогда не будем), но я не против увидеть ее феей Драже, даже если мне самой придется потерять роль. Характер у Бетт острый, как бритва, – совсем ничего общего с ее кукольным личиком и воспитанием, достойным высшего общества. Ее подпевала и соседка по комнате Элеанор станет дублером.

А еще есть клон Бетт – Лиз Уолш; вот она, чуть дальше. Стоит словно на военном параде: грудь вперед, нежные руки

по швам, стопы в первой позиции. Подходящая для балета стать. Холодная брюнетка, идеальна для роли Снежной королевы.

Она выглядит расслабленной, но глаза у нее дикие и следят за происходящим. Я рада, что не чувствую ее отчаяния. Даже несколько слоев одежды не скроют ее неестественной худобы. Я попиваю свой чаек, радуясь, что после него не остается чувства голода. Белые не особо разбираются в диетических восточных напитках. Они-то пьют американские, напичканные калориями. Мы могли бы поделиться своими тайнами, но предпочитаем молчать.

– Мистер К., хватит тянуть! – выкрикивает Алек. – Покажите список!

Мистер К. улыбается. Только голубоглазому блондину Алеку может сойти такое с рук. Его отец стоит в ряду учителей и ухмыляется. Алек – сын президента совета попечителей. Ему вообще все сходит с рук.

Алек прерывает мистера К. снова. Он получит роль Щелкунчика и будет танцевать с Бетт. Это логично – они же встречаются, единственные на потоке. Из шести мальчиков младших классов только двое предпочитают девочек – новенький, восходящая звезда по имени Анри, и Алек. Бетт игриво подмигивает и кладет руку на щеку Алека, словно она – его преданная жена, и лучший друг Алека, Уилл, толкает его в плечо. Бетт теребит в руках кулон, который носит не снимая. Наверное, Алек и подарил. Я дотрагиваюсь до

своей голой шеи. Я мечтаю только об ожерелье с бабочкой от мистера К.

Рыжеволосый Уилл, конечно, будет играть старика Дросельмейера. Грациозный Уилл может станцевать большинство женских партий лучше любой танцовщицы в нашем классе. Если б ему позволили, точно бы станцевал. Он мастерски подводит глаза, а за его пластику любой бы здесь убил.

Но мистеру К. и Дубраве это не нравится. Пока Уилл не станет мускулистым и подтянутым – *настоящим русским танцором*, – он так и будет торчать на второстепенных ролях.

Мистер К. выходит в центр. Мы уже на взводе. Джиджи глаз не сводит со своей тетки и чуть ли не подпрыгивает от предвкушения. Скоро она поймет, что лучше здесь не вызывать эмоций. Никогда не подавай виду, кого хочешь играть. Люди смотрят и запоминают. Всегда. И забирают желаемое у тебя из-под носа.

Мистер К. останавливается рядом с Анри и разглядывает его волосы, рассыпавшиеся по плечам. Пресса называет его восходящей звездой, маленьким Михаилом Барышниковым⁶, но мы по-прежнему обращаемся с ним так, словно он – ничто. Он приехал в школу к концу летнего семестра. Анри иногда говорит по-французски и собирает свои темные

---

⁶ Михаил Барышников – советский и американский артист балета. – *Примеч. ред.*

волосы в хвостик. Он встречался с Кэсси Лукас. Меня передергивает, когда я вспоминаю, что с ней сделали в прошлом году. После этого случая нас затащали по семинарам, посвященным «соревновательным порывам». Анри ни с кем не общается, да и с ним никто особо не хочет разговаривать. Боятся, что он узнает о том, что случилось с его девушкой, и все расскажет. У балерин свои секреты.

В глазах Анри зловещие искорки. Я бы отдала ему роль Мышиного короля только из-за них.

Мистер К. останавливает взгляд еще на нескольких учениках. Комната бурлит, как кипящая кастрюля. Я пересчитываю главные роли по пальцам и раздаю их своим одноклассникам: Клара, Щелкунчик, Снежная королева, дядя Дроссельмейер, Арабский Кофе, Китайский Чай, Русская кукла, Арлекин, Испанская кукла, Снежинки, фея Драже, Тростниковая Флейта, Фея Росинки, матушка Джинджер. Только в самом конце я понимаю, что не назначила роль самой себе.

Зимнее выступление: Щелкунчик

Главные партии

Клара – Мора Джеймс

Взрослая Клара – Эдит Диас

Щелкунчик – Алек Лукас

Снежная королева – Бетт Эбни

Дублер Снежной королевы – Элеанор Александер

Снежный король – Анри Дюбуа

Дроссельмейер – Уильям О'Райли

Арабский Кофе – Лиз Уолш

Китайский Чай – Сей Джин Квон, Хе Джи Йи

Фея Драже – Жизель Стюарт

Дублер феи Драже – И Джун Ким

Мышиный король – Дуглас Картер

Фея Росинки – Мишель Дюмон

4. Джиджи

Время за полночь. Безумный день распределения официально закончился, но я не могу уснуть из-за переполняющего меня восторга. Я, Жизель Стюарт, – фея Драже! Темная бабочка мистера К. Слова порхают в моей голове, как бабочки в инсектарии, легкие, нетерпеливые и невероятно красивые. Они составляют мне компанию.

Меня поздравляли – конечно, поздравляли, – но слова их были странными и пустыми, а объятия – неловкими. Покажушными, потому что на нас смотрели учителя. Меня пробивает дрожь. Тело жаждет движения, невзирая на поздний час, на то, что все отправились спать и свет везде потух. Только в движении я смогу выбросить все из головы и уснуть, а утром пойти на урок. Выskalываю из постели и на цыпочках иду к двери, чтобы не разбудить соседку, Джун. Прислушиваюсь к шагам комендантов, патрулирующих этаж, а потом выхожу.

Стоило бы отдохнуть. Дома мама бы на этом настояла. Это нужно для здоровья. Но я знаю, что на самом деле мне нужно танцевать. Особенно сейчас. Нужно хорошенько все обдумать. Подготовиться.

В лифтах установлены камеры, потому я спускаюсь по лестнице – одиннадцать пролетов до первого этажа. Не хочу, чтобы меня заметили.

Немного задыхаюсь на подходах к своему тайному месту – скольжу мимо административных офисов, через холл, из одной зеленой комнаты в другую зеленую комнату. Лишь бы охранник не заметил.

Я до сих пор слышу шепотки студентов и родителей, как будто они до сих пор здесь. Черная девчонка. Новенькая. Никакая она не фея Драже. Стопы неразработанные. Ноги слишком мускулистые. Такое лицо на сцене будет смотреться смехотворно. Лучше бы отдали роль Бетт. Ведь её сестра была звездой сцены – так говорил сам мистер К. Джиджи никогда не достигнет таких высот.

Призраки чужих слов подгоняют меня вперед. Я тихонько крадусь по залу.

Балетная школа находится позади Линкольн-центра, в одном из самых красивых зданий комплекса. Когда я впервые его увидела, мне показалось невозможным, что в нем столько всего: танцы, театр, кино, музыка, опера и куча другого. Студии на первом этаже – стеклянные коробки, наполненные светом. Я провожу по прохладным стенам пальцами. Задерживаю дыхание и пригибаюсь, проходя мимо офиса диетолога. Ее схемы, плакаты и холодный стол – причины множества истерик, и эта маленькая женщина имеет власть вытурить танцора из школы, если его вес будет слишком маленьким. Это мотивирует.

Подпрыгиваю от неожиданности, когда замечаю выходящего из студии Алека. Сейчас почти середина ночи! Мы пе-

ресекаемся взглядами. Открываю и закрываю рот, как рыба, и с языка моего срывается какое-то глупое оправдание, а он улыбается так, словно никому и ничего не расскажет.

– Ты что здесь делаешь? – Алек хватает меня за руку и тащит в темный угол коридора, подальше от камеры. Это, конечно, ничего не значит. Он принадлежит Бетт. Бетт, у которой гладкая фарфоровая кожа, идеальная речь и движения, словно она их репетирует. У меня волосы непослушные и пушистые, и я вечно говорю невпопад. Надеюсь, хоть ладони у меня не липкие.

– Они всегда наблюдают, – шепчет Алек. – Запомни места, где можно спрятаться.

Он так близко. И пахнет от него совсем не так, как если б он танцевал весь вечер. Я втихаря вдыхаю аромат его древесного дезодоранта и сладкого пота, от которого его руки блестят в темноте.

– Я люблю танцевать по ночам, – мямлю я, хотя в Калифорнии за словом в карман не лезла. – Я хожу в закрытую студию – ту, что в подвале.

Зачем я ему проболталась?

– Я тоже занимался, – отвечает он.

Выдавливаю из себя улыбку и не отвожу взгляд. Вообще, мне бы много хотелось узнать об Алеке: почему он выбрал балет, о чем мечтает, каково будет его целовать. Раньше я в таком ключе о парнях как-то не задумывалась. Парни только отвлекают от по-настоящему важных вещей. По крайней

мере, балерин. Не обычных девчонок.

Напоминаю себе: Алек – парень Бетт, хотя мысленно подмечаю, какие у него широкие плечи и что обтягивающие штаны и худи мало что скрывают.

Есть что-то неуловимо особенное в паре балетных танцоров. Нельзя не восхищаться тем, как красиво, как синхронно они двигаются. Длинные руки, светлые волосы, легкость и грация. Думаю, даже зрители в состоянии понять, что Алек и Бетт вместе. Это же так очевидно.

– Ты ведь меня не выдашь? – Вспоминаю, как флиртуют девчонки в фильмах.

– Только если ты меня не выдашь, фея Драже, – отвечает он игриво.

В его словах нет темных ноток, нет угрозы. Я улыбаюсь. Не уверена, что мне хоть кто-то улыбался за весь тот месяц, что я здесь. Хотя Алек всегда был приветлив.

– Договорились. – Легонько касаюсь его руки. Черт его знает зачем. Это ж не сделка, да и руку я ему не пожимаю – просто какой-то странный рефлекс.

Он напрягается, но не спешит отодвинуться.

– Ты – крайне интересный выбор для роли феи Драже.

Я не знаю, что ему ответить.

– В том смысле, что ты очень энергичная, – объясняет Алек, заполняя повисшее между нами молчание. Мы почти соприкасаемся руками, и я чувствую жар его тела и даже, кажется, пульс. Мы и не думаем отстраняться.

– Спасибо. – На секунду позволяю убедить себя в том, что Алеку я так же интересна, как и он мне. – В прошлом году ее Кассандра играла? Она ведь второкурсница тогда была?

Зачем только ляпнула о ней. Лучше бы молчала – лицо Алека тут же искажает боль.

– Да. Кэсси – моя кузина.

Между нами повисает еще более неловкая тишина. Никто в школе не говорит о девочке, ушедшей в прошлом году, и мне немного грустно. И очень любопытно. Не знала, что она его кузина. Мямлю:

– Мне жаль.

– Ничего. Давай не будем об этом. Поговорим лучше о твоей роли.

От моего внимания не ускользает, что Алекс отвечает на мои улыбки и глаза его загораются огнем, когда я признаюсь, как рада поработать с ним. И он не делает шаг назад. Интересно, не пора ли ему уже в постель?

– Я тоже буду рад с тобой поработать, – произносит он, и я вдруг замечаю, что глаза у него невероятно синие.

А потом в конце коридора раздается какой-то шум. Алек делает шаг назад.

– Увидимся завтра! – прощается он.

– Ага, – отвечаю.

– Не танцуй до самого утра!

Он уходит, а я остаюсь. Взвешиваю каждое его слово и думаю о легких прикосновениях. Растворяюсь в темноте за-

ла. Коридор заканчивается у лестницы в подвал. Люди редко сюда заходят.

Спускаюсь вниз.

Это помещение далеко от комнаты отдыха и кабинета физической терапии – очень удачно. Через маленькое окно видна закрытая студия, а в ней – очертания сваленного тудахлама. На первой неделе занятий я спросила об этой студии Джун, и она сказала, что тут всегда так было. Учителям этот зал не нравится, потому что там нет окон, а для танцев необходимо хорошее освещение. Русские называют это *плохой энергией*: комната доверху набита неудачей и тьмой, и о ней все словно забыли. Но я не верю в предрассудки. Я не выхожу из раздевалки с левой ноги, не зашиваю в свой костюм талисман на счастье и не целую сцену перед выходом. Даже не прошу других танцовщиц посылать мне «проклятия» в день первого представления. Дома родители хранят дурацкий веничек, чтобы выметать из квартиры зло, и часто жгут шалфей, чтобы очистить домашнюю ауру. Но я верю только в свои ноги и в то, на что они способны в балетных туфлях.

Вынимаю шпильку из пучка и вставляю в старый замок, жду, когда крошечный болтик опустится вниз, щелкнет и соскочит с места. Люблю бывать там, где меня быть не должно: на чердаке калифорнийской школы или в пустующем соседском доме в Сан-Франциско. Есть что-то волнующее во вскрытии замков и исследовании пространств, которых остальные люди словно не замечают.

Замок открывается быстро. Я смотрю налево, потом направо и исчезаю в темноте. Хлам хрустит под ногами, я провожу рукой по стене и нащупываю выключатель. Единственная рабочая лампочка трещит и не сразу загорается. Другая лампочка, без стекла, начинает мигать. В полусвете я вижу ткань, покрывающую сваленные здесь вещи, дыры в полу и зеркала под черными занавесками. Сломанные станки свалены кое-как, покрыты лохмами паутины и пыли. Воздух тяжелый, словно замерший в ожидании чего-то. Становлюсь в свой уголок, кидаю на пол сумку и смотрюсь в единственное открытое зеркало.

Из верхнего угла молнией расползлась через мое отражение трещина. Мама всегда говорила, что нельзя смотреть в разбитое зеркало – это к несчастью, – но мне все равно. На губе заживающая ранка. Поверить не могу, что так сильно прикусила. Нервы совсем ни к черту. Эта блямба портит весь вид. Больше не позволю себе так нервничать.

В сумке жужжит телефон. Родители. Они-то знают, что я еще не сплю. Скидываю их на голосовую почту. Знаю я, зачем они звонят. Спросят, сходила ли я к медсестре после оглашения списка ролей. Потом похвалят меня, но только для того, чтобы узнать, как я себя чувствую. Физически. С тех пор как я приехала в Нью-Йорк, они относятся ко мне как к беспомощной больной, которой место в инвалидном кресле, а лучше вообще в пузыре. Хотя мне официально разрешили танцевать несколько месяцев назад.

Лучше вообще об этом не вспоминать. Не хочу, чтобы кто-то узнал. Никогда. Включаю музыку на телефоне. Мелодия из «Щелкунчика» звучит совсем тихо, словно бы изда-дека, но сейчас и так сойдет. Я хочу танцевать.

Нахожу в хаосе своей сумки пуанты, надеваю. Ноги сразу становятся такими длинными, что кажется, будто я на ходулях. Тянусь вверх, от пальцев ног до макушки, стараюсь превратиться в одну прямую линию. Разум успокаивается, и управление переходит к телу. Следую за музыкой: каждый аккорд – волна, каждая нота – всплеск. Ноги двигаются в такт ритму, рисуют на полу безумные невидимые узоры. Сердце выскакивает из груди. Вру себе, что это только из-за танца и восторга, ведь мне отдали ведущую роль. Но голосок в голове шепчет: это все потому, что я думаю об Алеке. Алеко, который принадлежит Бетт.

Грудь сдавливают. Напоминаю себе, что нужно контролировать дыхание. У меня не случилось приступов ни в балетном классе, ни на пилатесе – вообще нигде уже целый год. Я в порядке.

Замедляю дыхание. Я полностью контролирую свое тело. Опускаюсь с носочков, стираю со лба пот, восстанавливаю дыхание, обхватив голову руками. Может, если потянусь, то смогу расслабиться еще сильнее? Если сосредоточусь на том, как тянутся мышцы, то смогу собраться? Закидываю ногу на станок и тянусь, ожидая, что вот-вот меня накроет покой, как всегда после упражнений. Мышцы дрожат, в ногах

покалывает, руки трясутся. Ногти фиолетовые. Свет мигает все реже. На миг я оказываюсь в печальной тьме, а потом ее вновь сменяет свет.

Может, я недостаточно хороша для феи Драже. Может, я не подхожу на роль. Может, я разочарую мистера К. И Алека. Может, все правы. И мама тоже. Мне вообще не стоит танцевать.

– Заткнись, – выговариваю я зеркалу. – Успокойся! Ты же получила роль!

Пытаюсь не думать о плохом, но сердце не унимается. Такого не случалось уже целый год. Тело обычно не подводит меня.

Сажусь на пол и соединяю вместе стопы – теперь мои ноги похожи на крылья бабочки. Опираюсь на колени. Дышу как на йоге – медленно и глубоко.

Ничто не отберет у меня победу. Ничто.

5. Бетт

Никто не говорил со мной после объявления ролей, даже Элеанор, которая посапывает на соседней кровати, довольная тем, что стала дублершей. Она-то может спать по ночам. А я уже все испробовала: считала овец, воображала себя качающейся на океанских волнах, представляла, как мое тело наполняется песком и тяжелеет. Но ничего не помогает. В голове на бесконечном повторе одна мысль: я – не фея Драже. Я – не фея Драже. Думаю, в телефоне уже полно сообщений от Алека, где он спрашивается о моем самочувствии, ведь я сбежала и спряталась в своей комнате. Но ничто не может изгнать эти мысли из моей головы. Поэтому я не сразу понимаю, что в дверь стучат. И это в час ночи, когда в общестии должна царить тишина, нарушаемая лишь шепотком тайных свиданий.

– Бетт? – Голос Элеанор сонный и мягкий, и мысли мои наконец очищаются.

Стук повторяется. Меня зовет комендант.

– Боже, да что там? – Я выползаю из постели.

Элеанор едва шевелится, трет глаза и ворчит что-то насчет времени и шума. Я открываю дверь и вижу кислое лицо коменды: она трет костяшки пальцев так, словно отбила их, пока стучала. Выглядит недовольной. Я тоже.

– Твоя мать, – объявляет она.

– А послать ее никак? – спрашиваю я.

Элеанор почти проснулась и теперь переминается с ноги на ногу позади меня.

– Это не моя работа, – отвечает комендантша и уходит, захлопнув дверь собственной комнаты. От этого просыпаются те, кого раньше не разбудил стук в дверь. Некоторые выглядывают из своих спален. Те, что похрабрее, спустились на лифте сразу после меня и подошли к родительскому залу на первом этаже, хотя Элеанор пыталась выпроводить их, а Лиз пригрозила им расправой. Это бесполезно: моя мать вечно устраивает шоу, и все об этом знают. К тому же эти девчонки лет десять ждали моего падения. И теперь ни за что его не пропустят.

Мама стоит у лифта – видимо, собиралась подняться без разрешения. Стальной взгляд, худая, губы сжаты в настолько прямую линию, что ей можно пользоваться как линейкой. В этом вся моя мать.

От нее пахнет красным вином и сырым стейком, а еще – злобой.

– Бетт. – Она сжимает губы, подкрашенные розовой помадой от «Шанель». Буквы «Т» спотыкаются.

Она тащит меня к студии С. Лифты открываются с тихим звоном. Оттуда вываливается еще толпа учеников. Мать их будто бы и не замечает. А может, ей все равно. Кто-то смеется, но все они трусы, и большинство прячутся за углом или спешат к охраннику, а сами прислушиваются к нашему раз-

говору. Они слишком далеко и не чувят, что от матери несет алкоголем, и не видят пятен пота на ее платье от-кутюр. Зато они слышат каждое ее слово – язык у нее заплетается.

– В следующий раз не ври насчет своих проб. – Она не повышает голос. Никогда. Потому что так он звучит более угрожающе, и она это знает. Даже когда мать растягивает слова, когда звуки льются с ее языка и цепляются друг за друга, она контролирует громкость. Мы протестанты, а протестанты не кричат.

– Я не какой-то там дублер, мама. – Я не позволяю своему голосу дрогнуть, но на глаза наворачиваются слезы.

Прошлой зимой я была единственной балериной шестой группы, кроме Кэсси, которая получила соло. Я была Арлекином и крутилась в обществе танцоров из седьмой и восьмой групп. Пытаюсь вытащить на поверхность то, что чувствовала тогда, но мама быстро топит весь настрой.

– Я уже позвонила кое-каким важным людям, чтобы они пришли посмотреть на твое выступление, Бетт, – шипит она. – Ты сказала, что пробы прошли хорошо. Я думала, что ты уверена в себе. Когда твоя сестра...

– Хочешь обсудить это с мистером К.? Я танцевала прекрасно. Он мне улыбнулся. А Адель он хоть раз улыбался? Да и вообще, хоть кому-нибудь? Да он сиял.

– Может, он смеялся над тобой, а? Об этом ты не подумала?

Я убеждаю себя, что трезвой она бы никогда так не сказа-

ла. Но это неправда. Она улыбается этой своей улыбочкой в розовом от «Шанель», и глаза ее прикованы ко мне. Не так уж мать и пьяна. В ее словах нет ни грамма грусти или сожаления.

Элеанор и Лиз выползают из ночных теней. Это наше правило: они не оставляют меня наедине с матерью, когда все выходит из-под контроля. Похоже, дела плохи.

Мы переглядываемся, и девочки подступают ближе.

– Здравсте, миссис Эбни! – Голос Элеанор звенит, как спасительный колокольчик, слишком светлый и легкий для такой ночи и таких разговоров.

– Добрый вечер, миссис Эбни! – Голос Лиз тонет в усталости.

Моя мать игнорирует их обеих. Она еще не закончила разрывать меня на куски.

– Ты не думаешь, сразу бросаешься в омут с головой. Прямо как твой отец.

Я стараюсь не заплакать от одного упоминания об отце, но обещаю себе, что позволю себе излить эмоции потом, в своей комнате, когда Элеанор будет в душе или еще где.

– Кому досталась роль? – вопрошает мать.

Я почти вижу, как ее маленькие ушки поднимаются, как у собаки, взявшей след. Она пришла сюда прямо со своего благотворительного бала, только чтобы задать этот несомненно важный вопрос. Ее глаза впиваются в Элеанор, а потом скользят по Лиз – моим очевидным конкуренткам.

– Не важно. Ее получила не я.

Я не выдаю Джиджи. Не хочу слышать, что о ней наговорит мать и в чем ее обвинит. Не хочу, чтобы Джиджи думала – если она прячется где-то здесь, с остальными, – что мне или моей матери до нее вообще есть дело.

– Кто, Бетт? – Она наклоняется ко мне, и вместо того, чтобы сосредоточиться на ее губной помаде, я впитываю запах ее идеального парфюма и кислотный дух алкогольных паров.

– Новенькая, – бормочу я.

– Господи боже! – выкрикивает моя мать, нарушая свою клятву оставаться тихой и спокойной, несмотря ни на что.

Лиз делает шаг назад. Элеанор придерживает меня за локоть, словно я вот-вот упаду.

– Ее зовут Джиджи, – вклинивается Элеанор. – Она очень сильно отличается от Бетт, так что, думаю, дело даже не в технике танца...

Она пытается защитить меня от страшного урагана, в который превращается моя мать.

– Джиджи... – Мама складывает два и два. Она все лето копала под новых учеников. Если кто-то и знает всех по именам, то это она.

– Джи... Нет, – выдыхает она. Глаза ее становятся круглыми, как блюдца, и она с недоверием смотрит на покрасневшую Элеанор.

Мне бы чувствовать облегчение. Я почти теряю равновесие, когда с меня скатывается камень материнского давле-

ния. Элеанор сжимает мне руку еще сильнее.

– Что ж, – медленно произносит моя мать. – Сейчас мы все исправим.

Я хватаю ее за руку, не давая сорваться в офис мистера К. Ей известно, что иногда он задерживается там допоздна. Но рука моя слишком дрожит после допроса.

И она вырывается. Платье развеивается за ней шлейфом, пока мать следует к офисам с целеустремленностью, которая напоминает о моей сестре. Если повезет, мистера К. не будет на месте, и она просто уйдет, оставив злобное и пьяное голосовое сообщение, которое его секретарша, надеюсь, сотрет утром. Она уже вооружилась мобильным телефоном – это все, что ей нужно, чтобы устроить сцену и превратить всю нашу семью в какую-то дурную шутку.

– Все хорошо, – шепчет Элеанор мне на ухо. Значит, все донельзя плохо. Элеанор говорит так только тогда, когда все идет под откос.

Лиз не произносит ни слова – морщит лоб и сжимает губы, принимая весь ужас момента. Она знает, что все плохо. Она мне не соврет. Даже если от этого мне станет лучше.

Студенты жмут кнопки лифта, уже не стараясь вести себя потише. Я слышу гортанный смех и кое-что другое – пародию на великую пьяную миссис Эбни. Поднимаю взгляд. Створки одного из лифтов придерживает Уилл: рыжие волосы прилизаны цветным гелем, которым он пользуется по вечерам, пальцы порхают над телефоном, наверняка рассылая

сообщения (надеюсь, без видео) о том, что случилось. Он и собрал тут половину школы. Обожает мои падения.

Элеанор пытается меня удержать, чтобы я не налетела на стервятников первой, но я отпихиваю ее. Может, мама на меня надышала. Или нет. Но я устала притворяться, что все в порядке, особенно когда это не имеет значения. Бегу к толпе учеников с диким желанием кому-нибудь врезать. До Джун с ее худой задницей остается меньше метра – я могу оттолкнуть ее от лифта, если б хотела.

И я хочу. Сделать кому-то больно. Чтобы мне стало легче. Но если я ее ударю, то проблем у меня прибавится, да и в данный момент больше всего на свете я ненавижу не Джун.

– Осторожнее, дамы! Бетт сорвалась с цепи, – насмешливо предостерегает Уилл.

Я протискиваюсь мимо него, мимо Джун, мимо всех них, задевая локтями как можно больше девчонок, к последнему лифту. Никого в него не пускаю. Взлетаю на одиннадцатый этаж. Распахиваю дверь спальни. Дверь ванной. И вот она, передо мной. Та, кого я ненавижу больше всего. Ее я хочу ударить. Заношу руку, кажется, впервые в жизни сжимая ее в кулак, и бью по зеркалу. Так сильно, что оно раскалывается. Так сильно, что его осколки падают в раковину. Так сильно, что на костяшках выступает кровь.

И мне больно. Но не так больно, как было до этого.

6. Джун

Мама звонит каждое утро ровно в 7:30 и каждый вечер в 8:30, ни секундой раньше, ни секундой позже. Точная, как швейцарские часы. Она всего лишь хочет удостовериться, что ее крошка в порядке – то есть за полчаса до комендантского часа сидит в своей комнате, в безопасности, за закрытой дверью. Она никогда не звонит мне на мобильный, чтобы я не смогла ее обмануть, и приходится бегать к платному телефону в коридоре женского общежития – настоящему реликту древних времен. Но я и так всегда здесь – в классах, студиях, общежитии или комнате отдыха. Я только и делаю, что занимаюсь и танцую. Я – ее маленькая идеальная дочка.

Слежу за коридором, жду, когда вернется Джиджи. Она проснулась в шесть утра и поперлась в Центральный парк кормить уток. В прошлый раз она притащила мне цветок, и это мило, конечно. Наверное. Ей нравится бывать на природе, но лучше бы она потратила это время на разминку. Или сходила посмотреть, как там Бетт после вчерашней шумихи. Она ведь фея Драже, а значит, следующая жертва Эбни. Да и в принципе жертва. Мы тут не очень хорошо переносим изменения во внутренней иерархии. Я сама все еще в шоке от решения мистера К. И пока не знаю, как относиться к Джиджи. Иногда она мне нравится, иногда – ни капли. Слишком давно у меня не было друга. Я не знаю, как себя в таких слу-

чаях вести.

Утром еле встала, а все потому, что задержалась вместе со всеми поглядеть, как маман Бетт ее осаживает. Я не особо злорадовалась – по крайней мере, не как другие, – но я хотела знать, что нас ждет. Я люблю знать обо всем, что происходит в школе. Тут это действительно имеет значение. Все имеет: что ты ешь, как одеваешься, откуда родом, сколько вешишь, какова твоя балетная техника, что у тебя за друзья, сколько у тебя денег, натренированы ли ноги, выигрывал ли ты соревнования, есть ли связи, получают ли родители билеты на сезонный спектакль, были ли они сами танцорами, знаешь ли ты историю балета. И я планирую узнать все и обо всех. Только так я смогу подняться на самый верх.

Подхожу к телефону в 7:26. Живот неприятно сжимается – жду звонка. Кажется, что я слишком плотно позавтракала. Мать всегда звонит ровно в половине, у меня есть в запасе четыре минуты, и я бегу в ванную в коридоре. Выплываю воду, чай и грейпфрут. Два пальца в этом очень помогают.

Впервые я сделала это в третьем классе. Увидела, как мать опустошает желудок после вечеринки в соседском доме. Она вытащила меня из ванной – на лице что-то липкое, руки трясутся – и сказала, что американская еда может отравить нас, потому от нее лучше избавляться. Я спросила, зачем она тогда вообще ела, и мать объяснила, что это вежливо. Если будешь невежливым, тебя больше никогда не пригласят в гости. А это позор.

Теперь я почти всегда избавляюсь от того, что съела. Даже от корейской еды.

Зарываю эти мысли подальше. Это ведь ради балета, из-за моей любви к танцам. Голова уже не так сильно кружится. И желудок успокоился.

Возвращаюсь к телефону. Смотрю на часы – осталась минута. Готовлюсь схватить трубку после первого же звонка. Практикую позиции – первая, вторая, плие, тандю и па-де-буре, – а потом раздается звонок. 7:30. Тютелька в тютельку.

Снимаю трубку прямо перед вторым звонком. Мать даже не здоровается. Не уточняет, кто взял трубку. Ее голос звучит словно прямо у меня в голове:

– Я получила письмо от мистера Станитовского. У тебя двойка по математике. Двойка! Двадцать шесть процентов из ста. В чем дело? Тебе ведь это должно легко даваться. В Корее дети остаются в школе и после уроков. Усердно трудятся. Ты же только танцуешь целыми днями, а оценки ужасные.

Пытаюсь ответить, но она продолжает свою тираду:

– И Джун, университеты смотрят на все. В хороший тебе не попасть. И успешной не стать.

Мать никогда не называет меня просто Джун. Только полным корейским именем. Она продолжает, и я чуть отодвигаю трубку от уха. В балетной школе я уже почти десять лет, а она все еще не поняла, что вот это – моя мечта. Моя реальность. Я хочу танцевать и не хочу ни в какой колледж. Для

нее это всего лишь глупое увлечение, которое пройдет, когда я вырасту, и разве что добавит дополнительную строчку в резюме, но не более.

Стараюсь не обращать внимания на ее слова – она, кстати, постоянно ошибается в произношении, – но каждое слово достигает своей цели. У меня горят щеки, я будто приклеилась к полу.

Я стараюсь выглядеть идеально. Чтобы лицо было как у куколки, чтобы все понимали, что я не какая-то там обычная девчонка, а балерина. Иногда мне кажется, что я могу стереть следы стресса лишним слоем пудры.

Мать продолжает на меня кричать, а я копаюсь в своей сумке – краем уха слушаю, немного беспокоюсь, много надумываю – и надеюсь найти пудреницу в куче туфель, бинтов и теплых гетр. Я заказываю специальные пудреницы – без них я как без рук. Новую никак не могу найти с вечера. Пришлось использовать старую, а там пудры на доньшке.

– Бросай уже свои танцы, – требует мама.

– Ни за что, – отвечаю почти бездумно.

– Что ты сказала?

Между нами повисает тишина. Хорошие корейские дети не перечат своим родителям. Так делают только белые, а я белая только наполовину и такими привилегиями не обладаю. Ее дыхание учащается. Пусть она не хочет этого признать, но балет – у меня в крови. Пусть у меня не бело-снежные волосы и не пронзительно-голубые глаза, но я за-

служила быть здесь. Так же как Бетт, или Элеанор, или даже Алек.

– Ты тоже танцевала, – шепчу я.

Кажется, что сейчас она ударит меня по лицу прямо через телефон.

Мать прокашливается, и я практически вижу, как она поглаживает свою идеально выглаженную юбку и встает в позу. Иногда я так хочу, чтобы она рассказала мне, каково ей было здесь танцевать. Или поделилась какими-то особыми трюками, как бывалая балерина. Хотела бы, чтобы она надела один из старых костюмов, которые прячет под кроватью, и станцевала со мной.

Слушаю ее дыхание, считаю до трех. Наконец она отвечает:

– Что ты вчера ела? Держись подальше от этой ужасной американской еды. Я привезу чапчхэ и бачу гук⁷.

Ну вот, она снова зарывает свои секреты подальше. Будет отрицать все до самой смерти.

– Может, Хе Джи подсобит тебе с математикой. Я беседовала с ее матерью. Миссис Йи говорит, что Сей Джин и остальные девочки постоянно приглашают тебя на вечеринки, а ты не приходишь. Сей Джин и Хе Джи ведь такие хорошие девочки.

Сей Джин нифига не хорошая. Да и я тоже. Это наши ма-

---

⁷ Чапчхэ, в просторечии чапче, – корейская праздничная закуска на основе крахмалистой лапши. Бачу гук – корейский капустный суп.

тери считают нас милыми и послушными, такими, какими мы стали бы, родись мы в Корее. Мы с Сей Джин были лучшими подругами и делили комнату. Сердце вопреки всему сжимается. Смотрю на дверь комнаты Сей Джин, нашу старую комнату, и вспоминаю, как близки мы были. С тех пор у меня не было настоящего друга.

Я, конечно, вру:

– Я как-то пила чай с Сей Джин. И девчонки все время говорили по-корейски.

Очень быстро. Я не поспевала.

– Это твоя вина, – прерывает меня мама, не желая брать на себя вину за то, как меня воспитывала.

Я знаю пару фраз на корейском, названия блюд, понимаю достаточно из того, что удастся подслушать на ее социальных посиделках. Но разговаривать по-корейски я не умею, и иногда это безумно расстраивает.

– Я повысила твое пособие, запишись на языковые курсы. Ты записалась на SAT⁸? Слышала, первый уже в октябре, и...

– У меня теперь каждый вечер будут трехчасовые репетиции, – произношу еле слышно. – Я же говорила, я дублерша феи Драже.

– Дублерша, – фыркает она с пренебрежением.

Мне тут же хочется процитировать ей речь, которую про-

---

⁸ Академический оценочный тест (англ. Scholastic Aptitude Test, Scholastic Assessment Test) – стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США.

износит для дублеров Морки: что я могу понадобиться в последнюю минуту или меня могут выбрать, потому что быстро учусь; что я в состоянии выдержать нагрузку на сцене, что это большая ответственность.

– И Джун, дублершей ты и будешь до конца жизни. Они никогда не отдадут соло азиатской девочке. Прими это. Русские никогда так не делали, даже когда я... – Она замолкает, осторожно закрывая метафорическую шкатулку своих секретов. – Лучше готовься поступать в хороший колледж.

– В этом году роль феи Драже отдали черной девочке. Моей соседке, Джиджи, – говорю я, не зная, станет ли от этой новости хуже или лучше. Дело ведь не в том, что роль получила темнокожая. Дело в том, что ее не получила я.

Молчание, а потом мать повторяет презрительно: «Дублерша». Ее разочарование превращается в гнев.

– Я серьезно, Джун. Брось это все. Сосредоточься на важном. Это твой последний год в балете, если так и останешься дублершей. Никаких больше танцев. Пойдешь в частную школу по соседству.

А потом бросает трубку, и я не успеваю ни возразить, ни попрощаться.

Она так говорит о танцах, что и в жизни не догадаешься, будто мать ходила по здешним коридорам, жила в общежитии, танцевала в студиях, вообще была когда-то частью балетной школы. Но что-то случилось, что-то плохое, и она так и не сказала мне, почему все рухнуло.

Мать теперь успешная бизнесвумен, экспортирует из Кореи одежду для танцев высокого качества и хочет, чтобы я пошла по ее стопам. Таков корейский путь. Та его часть, что мне известна.

Мать растила меня одна – родители отказались от нее, когда она осталась в Штатах и родила меня. Я – все, что у нее есть. И потому часть меня считает, что я должна во всем ее слушаться. Быть хорошей дочерью. Ездить домой на выходные, ходить с ней на корейские рынки по субботам, а по воскресеньям – в церковь и вечером сворачиваться на кровати в ее объятиях.

Но меня тошнит от одной мысли об обычной школе. В ванной комнате сейчас полно девочек, готовящихся к занятиям, а желудок у меня почти пуст. Так что я направляюсь к Свету.

Свет – это небольшая кладовка в конце коридора на одиннадцатом этаже женского общежития, которая стала своего рода местом для отпущения грехов и признаний. Никто не знает, когда все началось, Свет словно был здесь всегда. Стены сплошь обклеены картинками и напоминают кинолентку. Здесь знаменитые балерины в великолепных костюмах, фотографии изящно изогнутых ног, анонимные пожелания или вдохновляющие цитаты. Вещи из восьмидесятых.

Еще там есть маленький телевизор и DVD-плеер и куча дисков с записями величайших балетных спектаклей. Мне как раз нужно немного вдохновения.

Проскальзываю внутрь, все еще на взводе после разговора с матерью. Если это мой единственный шанс, я должна показать, на что способна. Я ведь прима-балерина. И я докажу это всем, и маме тоже. Мне нельзя уезжать из школы. Нет уж.

Роль феи Драже – мой шанс. Может, единственный. Дублер всего в одном шаге от соло. Я должна его получить любой ценой. Стараюсь не думать о том, как мы с Джиджи иногда смотрим допоздна старые ситкомы или классические балеты, как она всегда оставляет мне записочки и цветы.

Это важнее. Это моя карьера.

Опять залезаю в сумочку в поисках пудреницы и отвлекаюсь на старую шкатулку с драгоценностями. Подарок отца, которого я никогда не видела. Она идеально помещается в мою ладонь, и я ношу ее с собой повсюду, как обещание, что однажды я его найду. Нашупываю ключик на задней крышке, открываю шкатулку и смотрю, как кружится маленькая балерина. *Muyongga*, танцовщица. Нежная мелодия напоминает мне обо всем, за что я так люблю балет: за контроль, красоту, музыку. Здесь, в школе, работа над собой всегда приносит результаты: тренируешь мышцы, а потом тело делает то, что ты от него хочешь. И не важно, какая у меня семья и есть ли друзья, нравлюсь ли я какому-нибудь мальчику... Важно лишь то, на что способно мое тело.

Копия списка распределенных ролей висит тут же, на стене, рядом со списками прошлых лет. Смотрю на имя Джиджи, выведенное над моим. Смотрю так долго, что в глазах

начинает двоиться – мое имя не переползает выше. Неважно, как Джиджи ко мне относиться.

Игра в гляделки со стеной меня успокаивает, и я потихоньку забываю о разговоре с мамой. Я не сдамся. Я уберегу всех со своего пути.

Поднимаю с пола маркер. Рука трясется. Чувствую себя виноватой, но все равно пишу: *«Джиджи, оглядывайся почаще»*.

7. Джиджи

Через полторы недели после кастинга устаканилось расписание репетиций. Мы собираемся в студии «Е» на втором этаже. Закат оттуда не разглядеть. Мама советовала мне каждый вечер наблюдать заход солнца, чтобы оставаться позитивной.

– Не таскай за собой переживания, – всегда говорила она. – Они слишком тяжелые.

Здесь так трудно помнить о ее словах. Но нужно держаться. И хорошо, что новых приступов после объявления ролей не было. Так что и волноваться не о чем.

Позади меня идет Элеанор, и я шучу о новой прическе нашей учительницы, просто чтобы она со мной заговорила. В школе так сложно по-настоящему сблизиться с кем-то. Она смеется. Я тоже.

В студии повсюду теплые гетры и пуанты, разговоры. Мы разминаемся. Джун облокотилась на стену и тянет ноги. Она всегда разминается, даже когда ей не нужно танцевать вместе с остальными. Джун сидит и запоминает движения и такты, заносит все в книгу дублера, которую завела. Иногда я представляю, как мы занимаемся вместе: смеемся, показываем друг дружке разные трюки, двигаемся в унисон, будто вернулись в детство. Но она не станет так делать. Я уже тысячу раз ее спрашивала.

Бетт закончила повязывать свою прозрачную юбку – словно у нее было все время мира – и смотрит на меня искоса, как будто разговором с Элеанор я нарушила какое-то негласное правило. Взгляд ее голубых глаз остер, как нож. А когда Бетт куда-то смотрит, все остальные повторяют за ней. Проходит пара секунд, и все прячутся на меня. Раз так... Изображаю непристойный звук, прикладывая губы к руке. Некоторые смеются, остальные недоумевают. Бетт закатывает глаза.

Плюхаюсь на пол рядом с Джун и улыбаюсь. Она улыбается в ответ, но как-то натянуто. Я научилась не принимать это на свой счет – такая уж она, Джун. Снимаю гетры – обрезанные бывшие мамины штаны и кусок старой футболки. Вшиваю новые ленты в туфельки: пальцы дрожат, в руках игла, зубная нить и скользкий сатин. Стараюсь унять дрожь. Сегодня придется танцевать на глазах у всех. У меня было всего полторы недели на занятия с Морки и Павловичем. Нужно было уломать туфли еще вчера, чтобы сегодня все прошло идеально. Продеваю нить через ткань, и она рвется. «Соберись», – убеждаю себя, продолжаю шить. Встаю и пяткой нажимаю на носок каждой туфли; чувствую, как слои клея и ткани легонько трещат под моим весом. Я быстро расправляю внутренности туфель, выворачиваю ткань наизнанку – совсем как банан – и вытаскиваю крошечный гвоздик плоскогубцами. Помню, что плакала, когда ломала первую пару туфель. Думала, что они станут уродливыми, но на самом деле так лучше для поддержки. Вырезаю часть подложки под

ногой – там, где начинается подъем. Закрепляю моментальным клеем и клейкой лентой. Пробую встать. Подкладываю под носок пучок овечьей шерсти, надеваю туфли, завязываю ленты прямым узлом.

Элеанор разминается рядом со мной, и туфли ее как-то странно скрипят. Мы переглядываемся и начинаем смеяться. Мне в голову прилетает сумка.

– Черт!

Я поднимаю взгляд.

– О, извини! Не заметила тебя. – Бетт стоит прямо надо мной, а не где-то в отдалении, как секунду назад. Она садится между мной и Элеанор и хватается за край занавеси на зеркалах. Их закрыли по указанию мистера К. – он считает, что отражение только отвлекает танцоров, не дает им стать единым целым с персонажами, заставляет их лениться.

Бетт смотрит на себя в зеркало. Ее губы, когда вот так сжаты и накрашены розовым, почти похожи на сердечко. Бетт сворачивает волосы в аккуратный пучок. С моими так не получится. Она закрепляет прическу лаком.

Мои локоны всячески сопротивляются пучку и вместо этого превращаются в гнездо. Надо было все-таки выпрямить их или попросить тетю Лию сводить меня в салон. Ловлю в зеркале взгляд Бетт. Она привычным движением руки наклеила ресницы, пушистые и темные, как крылья моих бабочек в инсектарии. Потираю щеку. На лице у меня ни пудры, ни помады, ни теней. Джун мне в первый же день посо-

ветовала краситься, потому что так делают настоящие балерины и учителя обращают на это внимание. Но я не смогла. И не могу до сих пор. Не люблю, когда на лице что-то липкое и вязкое. С помадой Бетт я бы чувствовала себя клоуном. Я крашусь только перед спектаклями, да и тогда дожидаться не могу, когда уже можно будет все это смыть.

Бетт, должно быть, заметила, что пальцы мои нервно теребят воздух, потому что она вдруг разворачивается в мою сторону:

– Мне нравится, что ты ничего не делаешь со своим лицом.

Не могу понять, говорит ли она это с издевкой или все-таки нет. Я пока плохо понимаю язык, на котором привыкли общаться здешние балерины. В моей прежней студии такого не было.

– А ты что думаешь, Элеанор?

– Ну-у-у, – тянет Элеанор.

– Мама всегда говорит, что макияж – это нечестно, так что... – Мне хочется затолкать эти слова обратно себе в глотку, но уже поздно. – То есть не то чтобы она права. Мне просто не очень нравится. – Улыбаюсь максимально искренне и добавляю: – Ты всегда выглядишь прекрасно. Серьезно.

Чувствую себя полнейшей идиоткой.

– Я восхищаюсь твоей уверенностью, и вообще, – говорит Бетт так естественно, что это моментально сглаживает углы. – Но немного краски не повредит. Играть роль и вы-

глядеть идеально для этой роли... иногда это одно и то же, как думаешь?

Я не согласна, но она так мастерски затушевала неловкость, что я слегка киваю. Она протягивает мне пудреницу и кисточку.

– Попробуй! Тебе понравится. – Бетт зеркалит мою улыбку. – И парням тоже.

Провожу по коже кисточкой. Может, Бетт и права. Румяна хорошо оттеняют мою кожу. Теперь она сияет. Я поворачиваюсь, чтобы продолжить разговор и не упустить внезапное внимание, которым меня одаривает Бетт. Но прежде, чем я успеваю что-то сказать, она уже отошла к станку. Момент упущен.

К Бетт подлетает Лиз, шепчет ей что-то на ухо, глядит на меня, морща свой беленький носик так, словно учуяла мусор.

Заходят парни: Алек первым, Анри, как всегда, последним. Алек мне подмигивает, а потом обнимает Бетт. Чувствую внезапный укол ревности.

– Придешь сегодня? – мурчит она ему на ухо, но так громко, чтобы мы все услышали.

– Посмотрим, а то вдруг после репетиции и руки не смогу поднять, – отвечает Алек.

Могу поклясться, он смотрит на меня, пусть и всего секунду. Даже улыбается. Но, может, мне только показалось.

– Ты обещал. – Бетт не канючит, это ниже ее достоинства.

Она лишь напоминает факты, скрещивает руки на груди, выпрямляет спину – словно адвокат, допрашивающий свидетеля.

– Отложите свою мыльную оперу, а? – просит Уилл. – Потом разберетесь. И ты, Бетт, наверняка победишь.

Бетт ощетинивается, хотя, как по мне, это комплимент. Подтверждение ее красоты, мастерства обольщения и глубоких чувств Алека тоже. Он целует ее в щеку, и мое сердце сжимается, когда Бетт обхватывает ладонями его лицо и ловит его губы. Все тут же от них отворачиваются, как по команде. Как будто всю жизнь так делали. Хотя, может, так оно и есть.

Но я-то здесь не всю жизнь, так что не собираюсь дарить Алеку и Бетт уединение и наблюдаю. Только я вижу, как Алек чуть подается в сторону и Бетт промахивается. Она морщит лоб, а он пытается поцеловать ее в щеку еще раз, но она отворачивается и отходит от него, обиженная. Я почти чувствую эту обиду.

Она ловит мой взгляд. Смотреть на них – так же больно, как смотреть прямиком на солнце. Бетт издает рычание, но останавливает себя. Весь наш дружелюбный разговор улетел в трубу. Я не должна была увидеть то, что сейчас произошло.

Отворачиваюсь, но слишком, слишком поздно. Поднимаюсь на носочки и проделываю серию релаве, подпрыгиваю на пятках, чтобы туфли приняли нужную форму, и проверяю, удобно ли пальцам.

Мистер К. практически влетает в студию, другие учителя на пятки ему наступают. Они садятся в передней части зала. Мы все пододвигаемся вперед. Мистер К. хлопает в ладоши и кивает:

– Сегодня разметим последнюю часть «Щелкунчика». Снежная королева, ты первая. Снежинки, соберитесь. Остальные – кружитесь, как выюга. Репетируем первые две минуты, раз вы с Анри пока не разучили совместные па. Бетт, хочу увидеть твой выход. Анри, встань с краю и будь готов.

Это первая репетиция Бетт: она кружится и сразу же превращается в снежинку – само воплощение грации. Ее повороты безупречны, она расцветает под мелодию: ее руки, ее ноги, ее лицо – все идеально. Остальные кружатся вокруг, но не поспевают за ней. На фоне Бетт все – новички. Она поднимает руки и ладони – идеально – так же, как это делает Морки. Она словно точно знает, когда нужно поворачиваться, – как мотылек, летящий к свету. Все следят за ней с восхищением. У меня все внутри сжимается от страха: вдруг все думают, что мистер К. принял неверное решение и Бетт должна играть фею Драже? Гоню эти мысли прочь.

Мистер К. перекикивает музыку:

– Больше характера! Ты – снег! Легче! Еще легче!

Щеки Бетт краснеют. Морки говорит что-то на русском, и Бетт вытягивает ногу. Она делает пируэт, и музыка смолкает. Мы аплодируем. Бетт склоняется в реверансе и уходит

со сцены. Обхватывает голову руками, и я замечаю, что ее трясет.

Мистер К. поворачивается к Морки:

– Повороты неаккуратные. Не выходят.

Морки отвечает на русском. Мистер К. поднимает руки.

– Основы должны быть отточены до автоматизма. Как вторая природа. А тут все как любители. – Мистер К. указывает рукой на Бетт, и та возвращается на сцену. – В целом вышло неплохо. Повороты и пируэты хороши. Растяжка и порядок тоже. – Он поглаживает бородку. – Вот в чем разница между танцем, который поможет попасть в кордебалет, и выступлением, которое подарит роль Авроры, Китри или Одетты, – в характере, чувстве. В трансформации в персонажа. Я должен забыть о Бетт Эбни и видеть перед собой только Снежную королеву.

Он отпускает ее, она кланяется и выходит в центр. Наклоняется к станку, стоя спиной к нам.

Мистер К. садится на пол там, где недавно стояла Бетт: парням предстоит перелетать через него, чтобы научиться делать высокие прыжки. Мальчишки нервничают – все, кроме Анри. Он прыгает так хорошо, что по сравнению с ним даже Алек кажется неловким. Я видела фотографии прыжков Анри в журналах, там их с Кэсси называли будущим великим балетным дуэтом.

Наконец мистер К. подзывает к себе меня. Я сглатываю и выхожу вперед. Виктор начинает играть.

Чуть встряхиваю руками, жду третьего такта, делаю вдох и встаю в первую позицию. Мистер К. машет рукой, прежде чем я начинаю. Он ходит по комнате, прикрыв рот ладонью.

– Прости, что прерываю, *моя темненькая*. Еще кое-что перед тем, как мы продолжим...

Он чешет затылок. У меня холодеет в животе. Переступаю с ноги на ногу и вытираю пот на шее. Притворяюсь, чтоправляю шпильки в пучке, хотя в этом нет нужды.

Мистер К. и Морки переговариваются на русском. Он поднимает руки, и она замолкает.

– Можем мы хоть сегодня открыть зеркало, а? – спрашивает Уилл, словно переводя на понятный язык их дразги. – Знаю, их завесили для безопасности. Но вдруг это поможет? Мне вот точно поможет.

Я вздыхаю с облегчением. Замечательное предложение. Я никогда еще не занималась так рано и без зеркала. Смотрю на Уилла с благодарностью, и он подмигивает в ответ. Одними губами произношу «спасибо».

– Хорошо, хорошо. Мальчики, снимите занавесь. – Мистер К. качает головой и разочарованно вздыхает.

Парни распределяются по комнате и сдергивают черную ткань.

Моя мелодия начинается снова. Слежу за ногами. Начинаю танцевать, скользя на носочках по полу. Вскоре я перестаю думать – тело перехватывает инициативу. Ноги следуют за мелодией. Я готова улыбнуться, перестать думать о том,

куда ступать, просто отдаться музыке. Но я слышу шепотки. Они становятся все громче и громче, и вся моя сосредоточенность улетает в трубу.

– Вы это видите? Только посмотрите!

– На зеркале. Странно, правда?

– Жуть. Это же про Джиджи.

Виктор расстроено ударяет по клавишам и перестает играть. Студия полнится голосами. Энергия словно покидает мое тело. Опускаю руки, чтобы не упасть.

Не думаю, что кто-то заметил мое неловкое движение – все смотрят на зеркала. Вообще все. Какая-то девочка указывает на них пальцем.

Учителя тараторят по-русски, и я проталкиваюсь к краю толпы.

– Что происходит? – спрашиваю, задыхаясь и слишком тихо, чтобы меня услышали. Отсюда мне ничего не видно. Сердце выпрыгивает из груди, и люди поворачиваются ко мне. Мистер К. подзывает Дубраву. Они кричат друг на друга по-русски. Он машет всем, чтобы отошли подальше.

Бетт следит за моим лицом. Мальчишки комкают в руках занавески, которые только что сдернули. Они словно приросли к месту. Люди сторонятся меня и шепчутся. Я все еще ничего не могу разглядеть. Танцоры слетелись сюда, как бабочки. Не слышу ничего, кроме собственного сердцебиения. Проталкиваюсь вперед.

Мистер К. смотрит на стекло, качает головой, спрашива-

ет:

– Кто это сделал? – Он поворачивается и повторяет вопрос трижды. – Я не потерплю подобного в своей школе! Сколько можно! Балет прекрасен! А вы превращаете его в кошмар.

Хочу спросить, в чем дело. Но проглатываю комок. Меня трясет.

Мистер К. проходит сквозь море тишины. У меня кружится голова. А потом я вдруг вижу зеркало. И то, что написано на нем розовой помадой:

«Фее Драже падать больнее всех».

8. Бетт

Пятничная репетиция заканчивается раньше из-за того инцидента с зеркалом. Надо потратить свободное время с умом. Я ведь все поняла, когда Алек подбежал к Джиджи после того, как с зеркала стянули тряпку. А потом укрепились в своих подозрениях, услышав кусочки его разговора с мистером К. о запугиваниях и о хрупких чувствах Джиджи.

Элеанор ушла в кафе, так что захожу в нашу общую ванную и поправляю помаду – темно-красный оттенок «Диор 1940». Она не спасет меня от подозрений – кто-нибудь узнает мой почерк или помаду от «Шанель» моего цвета. Цвета моей сестры, а до того – моей матери.

Насыщенный розовый. Слишком заметный, слишком очевидный. Из-за него у меня будут неприятности, но я не могла не поддаваться соблазну. Да, это было небрежно. Я даже не хотела, чтобы она это увидела. Не теперь.

Уилл нарочно это сделал. Он слишком хорошо меня знает. Раньше меня было почти невозможно вычислить.

Помню, как вместе с Лиз и Элеанор мы втайне подшучивали над Кэсси в прошлом году: подливали фиолетовую краску в ее кондиционер, резали леотарды и колготки, чтобы учителя ее отругали, портили туфли, окуная их в уксус, устраивали беспорядок в комнате. Но Джиджи отреагировала так бурно... Как же ее легко поддеть. Да и послание было

таким изобретательным, что я чувствовала себя всемогущей. Но нельзя совершить ту же ошибку, что и в прошлом году.

Проверяю, нет ли на телефоне сообщений от Алека, но там ничего, кроме трех пропущенных от матери. Ей я перезванивать не собираюсь.

Уверена, мама Джиджи печет ей печенья, всякие мелочи и говорит, что она прекрасна такой, как есть. Джиджи повезло: наверняка ее пожалеют, когда она расскажет об угрозе и о том, как испугалась.

С силой сжимаю края раковины, представляя руки Алека на талии Джиджи – как он поднимает ее, одетую в балетную пачку, как делает поддержки и крутит. Представляю их поцелуй. Представляю, что ей нравятся его прикосновения, а ему – то, что она так на меня непохожа со своими черными кудрями, и кожей цвета кофе, и веснушками, и калифорнийской зрелостью.

Пара таблеток не в силах стереть из моего воображения эти картины и чувства. Проглатывают третью, не запивая. Горькая. Придется достать еще, чтобы совсем не раскиснуть. Вся моя энергия, вся нетерпеливость теперь сосредоточена на другом: я должна найти Алека.

«Адерол» отзывается в костях и звенит в голове, не дает мне жалеть себя. Мое тело и разум сосредоточены на Алеке. Так всегда после таблеток: внутри остается место только для одного чувства.

Жужжит телефон, и я подсказываю, думая, что это мать,

но это всего лишь Лиз. Она сидит в кафе на Шестьдесят пятой улице, и там же обретаются Алек и Уилл. Это не столько приглашение, сколько предупреждение: нельзя оставлять их наедине.

Стягиваю пуанты и влетаю в балетки, но не переодеваюсь. Алеку нравится, когда я одета в леотард, юбку и гольфы и когда волосы мои забраны назад. Он любит распускать блондинистые волны из пучка и стягивать леотард с моих плеч. Вся дрожу от воспоминаний. Я становлюсь какой-то совсем уж бешеной, когда о нем думаю. Так не пойдет. Алеку нравится, что я такая недоступная и холодная. А Уилл бесится, что все внимание Алека — на мне.

Охранник положил скрещенные ноги на стол, а сложенные руки — на живот и, конечно, спит. Я вписываю себя в журнал посещений. Выбегаю из здания и с удовольствием вдыхаю свежий воздух — успокаиваюсь. Для позднего октября холодновато — обычно в Нью-Йорке летнее тепло задерживается надолго. Добираюсь до кафе замерзшей, с посиневшими от холода ногтями. Снежная королева как она есть.

Алек сидит за столом у окна, на нем полосатый шарф и кашемировый свитер. И новенькие, и старшеклассницы наблюдают за ним, попивая некалорийные напитки. Даже группа девочек из соседней католической школы украдкой на него поглядывает. Ненавижу делить с кем-то восхищение своим парнем. Но вот она я, стою у входа в крошечное кафе и пляшусь. Люблю наблюдать за ним, когда он меня не видит. Ни-

какого притворства. Никакого давления. Простое удовольствие лицезреть кого-то настолько прекрасного и уверенно-го в себе.

Конечно, все заканчивается слишком быстро. Лиз улыбается из своего угла – в ее взгляде горит понимание, – и Алек машет мне рукой. Теперь я у нее в долгу.

У ее стола не задерживаюсь, чтобы Алек не подумал, будто она на него настучала. Да сама мысль, что я за ним слежу...

Уилл сидит здесь же, скрытый деревянной колонной. Слишком уж близко. Я ухмыляюсь: так он выглядит еще более жалко.

– За мной примчалась? – Алек сияет. Мне нравится, что я на него так действую.

– А то ж, – протягивает Уилл. Он хмурит брови. Раньше с ним было так весело – когда он держал свои чувства при себе.

– Даже стул не отодвинешь? – Поджимаю губы и жду, когда Алек поднимет на меня взгляд.

– А я люблю, когда ты стоишь, – отвечает Алек, пытаюсь казаться крутым – я ведь сказала, что мне это нравится.

Другая бы на моем месте смутилась, но я чуть ли не голышом стояла перед столькими дизайнерами, учителями и одноклассниками... Они щипали меня за бока, взвешивали на глазах у всех, чтобы понять, насколько я далека от совершенства. И потому я не смущаюсь. Я упираю руку в бок. Пусть

смотрит.

Он, наверное, прав. Они тут все на меня смотрят. Я же прима-балерина, и не важно, что на этот счет думает мистер К. Остальные это прекрасно видят.

– Выглядишь классно, – наконец говорит Алек. Раунд за мной.

Уилл громко вздыхает. Я сажусь на стул и двигаюсь вместе с ним, пока не достаю ногой до Алековой лодыжки. Он притягивает меня к себе и звучно целует. От него пахнет кофе и тяжелым трудом – он задержался на дополнительную тренировку. Мне становится стыдно, что я тут сижу, глажу его по ноге, а могла бы заниматься, делать пируэты, использовать оставшиеся часы репетиции по максимуму. Целую его еще раз, чтобы прогнать эти мысли.

– Так, хватит уже, вы двое. – Голос Уилла как натянутая струна. Он и раньше так говорил, но теперь его слова звучат совсем по-другому.

– Не оставишь нас наедине? – огрызаюсь я. Не могу его сегодня терпеть.

Прижимаюсь к Алеку еще сильнее, вплотную. Похоже, Уилл хочет еще что-то сказать, но потом просто кивает и начинает собираться. Его маленькое отступление меня радует. Ухмыляюсь ему в спину, но он этого не замечает. Да и увидел бы, не понял, что я имею в виду. Наши тайные улыбки больше не работают. Этим летом он перестал быть моим суррогатным маленьким братиком, и я понятию не имею, кто мы

теперь друг для друга.

– Алек, перезвони мне потом, идет? – просит он, выделяя имя друга не только голосом, но и паузами. Раньше в этих паузах было бы мое имя. А теперь Уилл – всего лишь еще один ученик, который меня ненавидит.

Знаю, что это ничуть не поможет, но опускаю голову на плечо Алека. Уилл уходит, полный изящества. Провожая его взглядом: двигается он просто божественно. Мне бы хотя половину его стати. Я бы сказала ему об этом, если бы мы до сих пор разговаривали, а не перебрасывались обрывками фраз.

– Найди себе *своего* парня! – кричу я ему вслед.

Уилл резко опускает плечи – все в кафешке меня слышали. Он краснеет почти в тон собственным волосам. Вряд ли кто-то вне школы знает о его предпочтениях – мальчишкам из Кентукки не следует любить других мальчишек. Он поднимает на меня взгляд, в глазах его плещется грусть. Я не хотела его обидеть. Ну разве что чуть-чуть.

– Жестко, Би, – произносит Алек. – Может, уже помирись?

Он ухмыляется и обнимает меня за бедро. Я чувствую тепло его ладони даже сквозь колготки.

– Не сейчас. – Даже не думаю убирать его руку. – Так что не лезь.

Последнее – чтобы он не думал, что я нежный цветок, неспособный ему перечить, и похожа на остальных ба-

лерин, жаждущих его внимания. Он любит меня за то, что я – ярость, что я – сильнее остальных.

Ни Уилл, ни я никогда не расскажем ему, что между нами произошло. Потому что между нами произошел Алек. Иногда мне хочется выпалить все Алеку в лицо, но настолько огромные секреты я предпочитаю хранить.

– Ты сегодня на взводе. Потому и оставила для Джиджи послание? – спрашивает Алек.

Я немного отстраняюсь, стряхиваю с себя руку. Как он вообще может произносить ее имя? Из его уст оно звучит почти мило.

Думаю, не соврать ли, заверить, что это сделала не я. Но он продолжает:

– То, что мистер К. не отдал тебе роль феи Драже, еще ничего не значит. Не будь как остальные девчонки, которые выпускают коготки и начинают драку. Ты же не такая.

Но я такая. Именно такая. Просто я очень хорошо притворяюсь.

– Роль Снежной королевы – это твой шанс показать...

– Я в порядке. – Говорю громче, чем планировала. – Прекрати. Ты ведь меня знаешь. Я в полном порядке. Всего лишь захотела тебя навестить.

Слышу сталь в собственном голосе и пытаюсь смягчить его, приправить сексуальностью. Целую Алека в шею и шепчу куда-то под подбородок:

– Мы с тобой редко видимся.

– И я всегда тебе рад.

Но он медлит, не сразу прижимает меня к себе. По голосу понятно, что он во мне разочарован. В последнее время такое происходит все чаще.

Он вытягивает меню из-под пустой чашки и начинает замысловато его складывать.

– Раз мы празднуем, тебе нужны цветы, – поясняет он.

Он делает мне бумажные цветы с тех пор, как мы были детьми. Искусству оригами его научила японская няня. Это странное хобби, и девочки посмеиваются, но на самом деле считают, что это классно и в каком-то роде сексуально. И так оно и есть. Люблю наблюдать за его руками, которые сворачивают бумагу. Каждый изгиб так аккуратен и нежен. Как и он сам.

Он сворачивает идеальную розу, буквы меню на лепестках делают ее еще красивее.

– Для тебя, – шепчет он. – И если ты хочешь поговорить...

Но он умолкает, потому что знает: это бесполезно.

– Уверен, вы с Анри сработаетесь, – заканчивает он, снова ухмыляясь. – Он о тебе спрашивал.

Анри и Алек живут в одной комнате.

– Станцуешь с ним – наверняка попадешь в журналы.

И по его голосу я слышу: Анри ему ничуть не нравится.

– Может.

Пожимаю плечами и закладываю бумажный цветок за ухо, закалываю его заколкой. Мы еще ни разу не танцевали с кем-

то другим. Алек и Бетт – пара не разлей вода. Наши имена так часто стояли рядом в списках, что я не представляю, что может быть иначе. Не хочу, чтобы его имя соседствовало с именем Джиджи. И с Анри танцевать не хочу.

– Думаю, однажды нам придется к этому привыкнуть, хотя поначалу наверняка будет очень странно. У Джиджи другое...

Я заткнула его поцелуем. Хорошо просто быть здесь, рядом с ним. Наедине. Хотя что-то Жизель Стюарт у меня не отнимет.

Веду Алека в свою комнату – теперь это так же легко, как делать знакомые па. Мы прокрадываемся мимо спящего охранника прямым ходом в лифт. Алек нажимает кнопку четвертого этажа, чтобы проверить, на месте ли коменданты. Их офисы занимают целый этаж, они отвечают на звонки и выдают таблетки круглолицым новеньким девочкам, которые доплакались до головной боли. Никто не поднимает на нас взгляд, когда двери с шумом разъезжаются.

В лифтах есть камеры, поэтому мы отправляемся на этаж Алека, десятый, а я еду до одиннадцатого и впускаю его через пожарную лестницу.

– Вон, – бросаю я Элеанор и тут же улыбаюсь, чтобы смягчить резкие слова. Она разлеглась на своей кровати, «визуализирует» движения, но если бы она была умнее, то занималась бы сейчас в пустом классе, вместо того чтобы просто

воображать тренировку.

На экране – запись одного из выступлений Адель, «Баядерки», которую она танцевала три года назад. Я молча выключаю телевизор. Элеанор в последнее время часто смотрит записи с моей сестрой. А что потом? Притащится в ее квартиру, как преданная фанатка? Спросит совета?

– Это и моя комната тоже, Бетт, – произносит Элеанор тоном, которого я никогда прежде не слышала. – Я не твоя служанка. И привет, Алек. Поздравляю с ролью.

– Я позволяю тебе делить со мной комнату, – шиплю я. И это даже не ложь.

Элеанор не может позволить себе эту комнату – в которой, кстати, раньше жила Адель, – единственную на этаже с личной ванной. – Тебе ведь не стоит об этом напоминать, так ведь?

– Бетт, – одергивает меня Алек. Раньше он так не делал. Ему нравилось, что у меня нет фильтра. К тому же, когда Уилл был моим соратником, мы бесконечно веселили Алека своими едкими замечаниями.

Элеанор меняется в лице. Я этого и добивалась, но я ведь все-таки не робот какой. А она вроде как моя лучшая подруга.

Делаю глубокий вдох. В последнее время я слишком часто ссорюсь с людьми и обещаю себе быть помягче, но иногда мне даже трудно вспомнить, как мы справлялись со всем раньше. Кто была я, кто она, как мы вообще стали друзьями.

С тех пор как меня лишили роли феи Драже, все кажется неправильным. И Элеанор смотрит все эти записи, исчезает куда-то молча. Что-то скрывает от меня. Это напрягает.

– Алек тут всего на часок. Можешь пошататься в комнате отдыха? А то кажется, тебе жарко. К тому же ты ведь тоже скоро наверняка притащишь сюда парня. – Я подмигиваю ей.

У нее звонит телефон. Она ставит его на беззвучный и уходит.

– Верю на слово, – говорит Элеанор и исчезает в коридоре.

– Вот тебе крест, – улыбаюсь. Мы ведь в самом деле любим друг друга. Я даже чуть-чуть скучаю по ней, когда она закрывает за собой дверь.

– Всего часок? – шепчет Алек прямо мне в шею.

– Зато какой, – отвечаю я.

И это в самом деле незабываемый час. Это тоже похоже на пробы, только на этот раз нужно быть самой сексуальной, самой желанной, самой дикой. Я так крепко сжимаю его ногами – как он вообще дышит? Я могу быть той девчонкой, в которую он влюбился годы назад и которую любит до сих пор. Единственную, с кем он хочет танцевать.

Любовью мы не занимается. Алек отговаривается, что устал и хочет отдохнуть перед завтрашней репетицией. Я уже полностью разделась, когда он все это выговаривает, – я в бешенстве, и это сложно скрыть.

– У нас каждый день репетиции, – шепчу я.

– У меня важная роль. И куча па, которые нужно практи-

ковать.

– С Джиджи, – рычу я, а потом взрываюсь. – Зачем вообще тогда сюда пришел? И где моя кофта?

Я падаю с кровати, ищу, чем бы прикрыться. Да как он смеет отказываться!

– Но мы ведь хорошо провели время. – Алек мурчит мне на ухо. Целует ухо, а потом – шею.

– Просто странно, что ты не...

– Я хочу тебя. Всегда. Просто волнуюсь. Сильно. В выходные наверняка отпустит. – Он краснеет. Мы сегодня оба не настроены на романтику.

Он целует меня в лоб перед уходом, и в тот момент я понимаю, что победила. Дело не в Джиджи.

– Позови Элеанор, хорошо? – Я все еще могу заставлять его делать мне одолжения.

Он кивает:

– Что, не терпится рассказать ей обо мне?

Алек пытается меня поддеть и даже наклоняется, чтобы меня пощекотать. Сдерживаю смех. Все вошло в привычную колею.

– Мы с Элеанор не талдычим ночи напролет о парнях, – поддеваю в ответ. – Даже не думай.

Я соблазнительно смеюсь и кладу руку ему на плечо. Какой-то он напряженный. И краснеет еще гуще.

– Хотя я тебя люблю, – поспешно добавляю. Может, проблема в этом?

Он не отвечает мне тем же, только еще раз целует в лоб. Я чуть не повторяю признание – может, не расслышал? – но потом передумываю.

Элеанор возвращается через бесконечные пять минут. Не хочу с ней снова ругаться, хочу просто посидеть с подругой.

Элеанор распахивает дверь.

– Закончили?

Лицо у нее такое же идеальное, как в тот день, когда я ее встретила. Шестилетки в леотардах, мы проходим набор в балетную школу, ждем, когда осмотрят наши руки и ноги.

– Посмотрим «Завтрак у Тиффани»? – спрашиваю тихонько.

Я хочу, чтобы кто-то был со мной рядом, под одним одеялом, и чтобы телевизор был порталом из этого ужасно скучного общежития в большой мир.

Элеанор вздыхает. Уверена, она думает, что стоило бы еще позлиться, но она не станет. Элеанор недостаточно сильная.

Мы лежим на диване, глядя, как Эндрю в горестной ярости крушит квартиру. Элеанор сопит. Она всегда быстро засыпает. Голова ее падает мне на плечо. Вот бы и мне удавалось так легко заснуть. Бессонница наверняка будет мучить меня до самого весеннего спектакля – до моего второго шанса.

– Что ты думаешь про Джиджи? – шепчу я в темноту, зная, что Элеанор меня не услышит. Разве что только во сне.

– М-м-м-м. – Словно Элеанор считает ее пустым местом.

– Она ведь не сможет отобрать у меня все? – спрашиваю я и дожидаюсь очередного вздоха Элеанор. Я как будто не догадываюсь, что она не спит, и ее безразличие в самом деле меня поддерживает.

Мои слезы видит только темнота. Это наш с ней секрет.

9. Джун

Иду на утренние занятия одна, безумно рано, чтобы успеть занять студию и проветриться. Одеюсь потеплее – все-таки поздний октябрь, холод забирается во все поры. К тому же многослойная одежда делает меня почти невидимой. Я становлюсь такой же, как все.

Но Морки должна меня заметить – ведь так и становятся звездами.

Я чуть не выронила термос перед студией. Парень Сей Джин, Джейхи, сидит на лавочке перед стеклом, откуда все вечно на нас пялятся. Он сидит ссутулившись, на нем обтягивающие черные штаны, конверсы не завязаны. Капюшон красного худи накинута на голову. Уткнулся в телефон.

Я не видела его с тех пор, как мы с Сей Джин перестали быть подругами, а это значит... почти два года назад. Когда он начал приходить сюда, чтобы посмотреть, как она танцует? Совсем не изменился. Разве что слегка похорошел. И ведет себя раскованнее.

Я знаю его дольше, чем Сей Джин. Мы вместе ходили в воскресную школу и жили в трех кварталах друг от друга, его *halmeoni*, бабушка, присматривала за нами по будням, а потом я переехала сюда, в общежитие.

Его бабушка называла меня внучкой, я плескалась в надувном бассейне. На их лужайке. Я даже знаю, где именно у

него на заднице родимое пятно.

Сейчас Сей Джин и Джейхи – почти как Бетт и Алек. Созданы друг для друга, идеальная чета в нашем корейском обществе.

Он наклоняется и поднимает на меня взгляд. У меня горит лицо. Косметика наверняка потечет. Он молчит.

– Привет. – Не знаю, зачем вообще решила с ним заговорить. В девятом классе я лишилась всех друзей, когда Сей Джин перестала со мной разговаривать. Даже его. Особенно его.

– Привет, – мямлит в ответ, протирая глаза.

– Что ты тут забыл? – спрашиваю и отпиваю из термоса глоток чая. Наверняка школу прогуливает. Интересно, насколько он изменился.

– Сей Джин. Пришел на нее посмотреть.

Стараюсь продолжить разговор ни о чем, а потом понимаю, что я впервые вот так болтаю с парнем ни о чем.

– Решился подать документы? Помнишь, как ты тренировал пируэты в подвале?

Я смеюсь неожиданно даже для самой себя. На мгновение чувствую себя совсем как в прежние времена, когда меня окружали друзья. Когда у нас были понятные только нам шутки, общие воспоминания, дурацкие традиции. Когда я находила время на что-то кроме балета, на бесконечные разговоры, на приключения вне школы.

Джейхи почти улыбается. Лицо его стало круглее, а на

подбородке черные точки щетины. Гляжу на него, и во мне просыпается сожаление. Или...

Позади меня кто-то прочищает горло. Джейхи ежится и отводит взгляд, будто бы и не говорил со мной пару секунд назад. Вот и все. Фантомное ощущение моей прежней жизни исчезло.

– Утро так себе, а, Джун? – Сей Джин поджигает розовые губы.

Она застает меня врасплох. Шипит как змея. Остальные щебечут позади, слишком трусливые, чтобы сказать что-то самим, но всегда готовые посмотреть на меня свысока, посмеяться в лицо, пошептать на корейском и указать пальцем, словно я доска для дартса, в котором стрелы – их собственная неуверенность в себе. Новенькая китаяночка стоит в стороне, руки сложены на груди. Она не понимает ни слова, но все равно принимает участие в общем представлении.

– Да нет, выглядишь вроде не так уж и плохо, – отвечаю я, радуясь, что придумала, как ее поддеть.

Сей Джин делает шаг вперед. От нее пахнет завтраком и розовой помадой, которую она носит со средней школы, потому что хочет превратиться в Бетт.

Когда я въехала в общагу, мы с Сей Джин были не разлей вода, *jeol chin*, лучшие друзья. Она была мне как сестра. Но в десятом классе все изменилось, когда она пустила про меня слух, заставила комендантов расселить нас и никогда больше со мной не разговаривала.

Это случилось примерно в такое же холодное осеннее утро, как сейчас. Мы сидели у парных столиков, которые нам купила ее мама. Точные копии тех, что стояли в здании Американской балетной труппы. Мама Сей Джин подарила мне такой же, потому что моя мама не могла себе этого позволить. Лампы на них мягко освещали наши лица.

Сей Джин открыла свою косметичку.

– Думаю, тебе нужно чаще краситься, – сказала она, доставая пудру, помаду и румяна. – Особенно на занятия.

– Да с меня все вместе с потом сойдет, – ответила я. Тогда я просто еще не понимала, к чему она клонит.

– Настоящие балерины танцуют накрашенными, и на их лицах совсем нет пота. – Она наклонилась ко мне, приподняла подбородок пальцами и повернула мое лицо к свету, словно была настоящим балетным визажистом, из тех, что красили нас для выступлений. – Не замечала?

Я не ответила.

– Закрой глаза.

Я так и сделала. Я всегда ее слушалась.

Она нанесла на мое лицо пудру – кисточка прошла по коже, словно крылья бабочек. Сей Джин пальцами нарисовала румянец, а потом провела помадой по губам.

– Эти цвета скроют желтоватый тон.

Мама всегда говорила: «Ты же не хочешь, чтобы твоя кожа стала цвета мертвой курицы?» – и звучало это убедительно.

– Вот такая палетка нам подходит лучше всего. – Сей

Джин всегда использовала умные слова вроде «тон», «палетка», и мне это нравилось. Я таких слов не знала.

Она провела кисточкой поменьше по моим векам.

– А это создаст красивую тень. Как будто у тебя складка на веке. Так глаза будут казаться менее раскосыми. Русским не нравятся наши глаза. – Она опустила кисть.

– Да мало ли что им не нравится, – ответила я, прекрасно зная, сколько азиатских девочек сделали себе пластические операции по изменению формы века. И Сей Джин одна из них.

– Всем есть дело до того, что думают другие. Даже если это отвратительно. Это слишком тяжело – не обращать внимания. – Она водила кистью в уголках моих глаз. – Смотри.

Я открыла глаза и потеряла дар речи. Из зеркала на меня смотрела другая девушка – мягче, чем я. Сей Джин наклонилась ко мне поближе, и я заметила, какие у нее большие, совсем оленьи глаза.

– Видишь? Совсем другая.

Я и чувствовала себя другой. Особенной. Прима-балериной или президентом компании. Той, у которой все получается без усилий. Не собой.

Я пыталась выдать из себя благодарность, но не могла подыскать нужных слов. Сей Джин снова коснулась моего подбородка.

– Ты очень красивая, – прошептала она совсем тихо.

Между нами словно воздух сгустился. Она наклонилась

ниже. Я видела две крошечные веснушки у нее на носу и чувствовала ее дыхание на своем лице. Я не могла пошевелиться. Не могла отстраниться. А потом она поцеловала меня – ее розовые губы к моим. Мягкие и теплые. Странное было ощущение. Я еще ни разу не целовалась.

Сей Джин закрыла глаза. Я – нет. Я вообще не знала, что делать и как себя вести. Увидела, как поднимаются ее брови. Она попыталась раскрыть мои губы языком. И я отодвинулась.

– Что ты делаешь? – спросила я. Сердце ухало где-то в горле. В ушах шумело.

Она сморщила нос и покраснела – от груди до лица.

– М-м-м, прости.

Сей Джин повернулась к своему зеркалу и достала помаду. Подкрасилась дрожащей рукой.

Я стерла помаду с губ салфеткой – и ее, и свою. Увидела, что у нее на шее выступил пот. Нужно было что-то сказать. Например, что все хорошо. Что она – моя лучшая подруга. Что я не знаю, почему она меня поцеловала, но я всегда готова помочь ей разобраться в себе.

Я посмотрела на часы. Скоро начнутся уроки. Я поднялась. Сей Джин не пошевелилась. Она сидела, неотрывно глядя на свое отражение в зеркале. Я не знала, что сказать. Подождала ее, но она так и не поднялась. Я подошла к двери.

– И Джун, – позвала она.

Я повернулась. Она смотрела прямо на меня.

– Скажи, что я заболела, хорошо? – попросила Сей Джин, и в глазах ее заблестели слезы.

– Хорошо.

– Я не... Я... – Ее голос дрогнул. – Я просто хотела...

– Конечно, нет, – ответила я.

Хорошие корейские девочки не целуют других корейских девочек. Они целуют мальчиков. И выходят за них замуж. Я хотела спросить, хотела узнать, почему она поцеловала меня и что вообще происходит. Сказать ей, что все будет в порядке. Что я всегда буду рядом.

– Все в порядке. Все... – начала я, но она подняла руку, и я ушла.

К концу дня Сей Джин попросила комендантов переселить меня из нашей комнаты, а спустя неделю начали расползаться слухи. Слухи о том, что я лесбиянка и что она больше не хочет со мной жить. Позвонили моей матери. Школьный консультант прочел мне лекцию о том, что нельзя смущать других учеников.

Сейчас на Сей Джин тот же оттенок розового, что и тогда. Готова поспорить, что и на вкус ее губы такие же, как и годы назад. Смесь помады, грейпфрута и чая. Мои на вкус такие же.

– Ты всегда идешь на втором месте, да? – Сей Джин делает шаг вперед.

Я чувю ее сладкий парфюм. Она хлопает своими длинными ресницами.

– Дублерша Джиджи. Никто не выбирает тебя первой. Думаешь, ты такая вся клевая, но больше никто так не считает. – Она прищуривается.

Это больно. Вся моя дерзость испаряется, и я очень хочу исчезнуть из поля ее зрения. Больно только тогда, когда все – правда.

В моей сумке тренькает шкатулка с драгоценностями. Не знаю, думает ли мама о моем отце, но я не могу его забыть. Единственное, что мама о нем сообщила, – у него новая семья, которая нравится ему больше нас. Потому то, что сказала Сей Джин, – правда гораздо более болезненная, чем она может себе представить. Она называла меня по-разному – сучкой, позеркой, Белоснежкой, – но это худшее. Дублерша.

Вспоминаю то, что сказала мама по телефону. Если я не стану лучше, я уйду.

– Никому ты не нужна, – добивает Сей Джин.

Хочу ответить, что ей я была нужна. Напомнить про поцелуй. Но я молчала все эти годы и молчу сейчас. Я храню ее маленький секрет.

Джейхи говорит ей что-то по-корейски. Она замирает.

– Ты уже выиграла, – произношу наконец. И Сей Джин не знает, что с этим делать.

Я хочу, чтобы Джейхи понял, что это она плохая – не я. Остальные девчонки ругаются на меня на корейском, я не понимаю всех слов, просто знаю – они очень грубые. Но Сей Джин хуже их всех, вместе взятых. Она просит их замолчать,

машет рукой, совсем как Бетт ведет себя с Элеанор и Лиз. Она действительно пытается быть Королевой Бетт, и ей это почти удается. Девочки затыкаются. Я поворачиваюсь, чтобы исчезнуть в студии.

— Я кое-что нашла.

Сей Джин тянется за своей сумкой. Что-то блестит в ее руке, и я тут же понимаю, что это. Моя пропавшая пудреница. Сей Джин знает, как эта штука мне дорога. Она всегда в моей сумке или в комоде.

Представляю, как Сей Джин рыщет по моей комнате, и выхватываю пудреницу из ее рук, как маленькая. Она отдает ее сразу же, и это странно. Она нехорошо улыбается. Я открываю пудреницу: зеркало сломано, а губка разрезана.

— Упс. — Сей Джин прикрывает ладошкой рот.

В коридоре куча танцоров, они все видели. Вокруг разлилась тишина, и я чувствую на себе взгляды дюжины глаз.

Джейхи снова что-то говорит. Они с Сей Джин перебираются словами. Обо мне ли?

Закрываю пудреницу. Получится ли у меня склеить зеркало?

Морки гонит всех в класс. Мы разминаемся, делаем упражнения у станка, потом Морки заставляет нас делать фуэте. Выхожу в центр, протискиваясь между другими девочками. Развожу руки. Готовлюсь. Кто-то ворчит, кто-то бормочет себе под нос.

Я лишь хочу, чтобы она заметила, как хорошо я танцую.

Играет музыка. Другие девчонки заканчивают свой четвертый поворот. Как и просила Морки. Но я не могу остановиться. Я кручусь и кручусь, чтобы разговор с Сей Джин вылетел из меня, словно пробка. И впервые все взгляды прикованы ко мне. Девчонки отодвигаются, а Морки наоборот – подходит. Знаю, все хотят, чтобы я остановилась. Нужно было просто сделать четыре поворота, как велено. Я одна в центре. Я – волчок. Давно перестала считать. Наконец останавливаюсь.

– Bravo! – кричит Морки. Отмечает перед всеми, как я погружена в процесс. Говорит, что мои фуэте безупречны.

Обычно для учителей я призрак. Тот, кто не стоит внимания. Но не сегодня. Я рискнула. Перешла черту, чтобы покрасоваться.

Все аплодируют мне. Все, кроме Сей Джин.

Девочки хлопают меня по спине и одаривают комплиментами, они не кажутся фальшивыми или саркастичными. Джиджи так сильно меня обнимает, что я перестаю дышать. И улыбается так широко, словно гордится тем, что делит со мной комнату. Я стараюсь не придавать этому значения. Замечаю, что даже мистер Лукас, отец Алека, смотрит на меня сквозь стекло – а он почти никогда так не делает. Он странно мне улыбается и кивает.

Делаю реверанс и возвращаюсь к станку. Джейхи там, за стеклом. Он поднялся с места. Ловлю его взгляд – и проходит, кажется, целая вечность, прежде чем я поворачиваюсь

к нему спиной и сдерживаю торжествующую улыбку. Меня наконец-то заметили.

И теперь я знаю, как отплачу Сей Джин.

10. Джиджи

Я ходила в зеркальную студию «Е» каждый вечер и смотрела на остатки послания от Бетт. Девочки выдали ее. Хотя, может, это была Лиз. Или Элеанор. Как бы то ни было, надпись стерли несколько дней назад. И все, кажется, просто о ней забыли, но у меня в голове угроза звучит так же часто, как тема феи Драже. И каждый раз я решаю, что стану лучшей феей Драже из возможных и не превращусь в жертву.

Спускаюсь на лифте на первый этаж, а потом – по лестнице в подвал. В моем зале пусто и тихо, только комки пыли в углах, скрежет старого радиатора и звон полумертвых лампочек. В здешнем зеркале меня почти не видно. Не могу двинуться, не могу закрыть глаза, чтобы помедитировать, – просто продолжаю пялиться на собственное отражение.

Мама всегда говорила, что нельзя столько времени проводить перед зеркалом. Но для танцора зеркало – как дом.

Представляю, как меня заполняет свет, совсем как на занятиях йогой с Эллой там, в Калифорнии. Хочу, чтобы солнечные лучи стерли все угрозы и все мое беспокойство. Поднимаю ногу – сначала на станок, потом к уху. Истончаюсь в прямую, невозможную линию, которая начинается с большого пальца левой ноги на земле и заканчивается на правой ноге в воздухе. Но тело реагирует не как обычно. В сердце что-то колет. Причина в Алеке или в моей болезни? Я не

знаю, что хуже. Что опаснее?

– Давай помогу. – Тишину разрывает мужской голос.

Я поворачиваюсь, не опуская ногу, ожидая увидеть Алека. Только он знает, что я танцую здесь, внизу. Невинно улыбаюсь – слишком быстро, потому улыбка получается натянутой.

– Рада тебя видеть.

Это Анри Дюбуа, еще один новенький, и он на меня в открытую пялится. Глаза у него как на картинах мамы – темные, мечтательные и тревожные. Он проводит рукой по взъерошенным темным волосам. На нем балетный пояс и штаны, и я невольно перевожу взгляд чуть ниже его живота. В этих поясах все кажется чересчур большим. Он ловит мой взгляд и делает шаг назад. Я опускаю глаза.

– Да я сама справлюсь, – отвечаю и продолжаю растяжку.

Анри подходит ближе.

В общей сложности мы с ним перекинулись тремя предложениями. Все, что я о нем знаю, я прочла в балетных журналах. Он был восходящей звездой Парижской оперной школы. Ключевое слово – был. По слухам, его оттуда выгнали.

– Да ладно тебе! Балет – командный спорт. – Он подходит еще ближе, огибая поломанные станки.

– Как ты меня нашел?

Опускаю ногу. Не хватало еще, чтобы он решил сделать поддержку, не спросив разрешения. Мне бы злиться на него за то, что он отыскал мое тайное место. Только Алек может

о нем знать.

Сажусь на пол и через секунду понимаю, что поступила глупо.

— А я тебя и не искал. — Анри опускается напротив. У него приятный акцент, мне нравится плавность его произношения. За шестнадцать лет во мне никогда не вспыхивал интерес к балетным танцорам, да и вообще к мальчикам, но вот в животе снова туча бабочек, а я потею и перестаю быть собой. В голове вьется столько новых мыслей, идей и ощущений.

Анри ведь всегда был красивым — в смысле, и на репетициях, и в классе, — но я никогда не обращала на этот факт внимания. А здесь, в странном, изломанном свете подвала от одного его вида пересыхает в горле.

— Ты здесь прячешься? Пока остальные в комнате отдыха, да?

Я не отвечаю. Он улыбается, словно сказал что-то смешное. У него такие симпатичные ямочки на щеках — хочется до них дотронуться.

— А тебе разве не стоит отдохнуть после репетиции? — Я не придумала ничего лучше.

— А тебе? — контратакует он, а потом ухмыляется. — Вы, балерины, слишком серьезные.

Он что-то бормочет на французском. Мне нравится, как это звучит и как изгибается линия его рта.

— Давай продолжим, Жизель.

Он называет меня полным именем. И произносит его так,

как оно и должно звучать – мягкая «з» и долгая «л». Тянет рассказать ему, что родители встретились в Париже, когда временно жили там, в двадцать с небольшим. Они назвали меня в честь знаменитого балета.

– Давай добавим музыки. – Анри достает телефон, клацает кнопками, и звучит мелодия.

Внезапно появляется Щелкунчик. Он встает в стойку и протягивает мне руку. Прижимает мои бедра к своим и сгибает мои ноги в изящном па, словно кукла – это я. Он не просит разрешения. Какая-то часть меня совсем не возражает. Другая часть вовсе не чувствует, что я – это я. Щелкунчик прикасается ко мне так, словно мы старинные друзья. Странно, но я это только приветствую.

Он стягивает свои мокасины, и мы соприкасаемся подошвами. Стопы у него огрубевшие и сильные – стопы танцора. Мы разводим ноги ромбом, а потом он толкает меня вперед. Я вытягиваю ноги в прямую линию. Никогда еще не делала растяжку с парнем. Да и вообще с другими учениками.

В калифорнийской школе не было мальчиков. Здесь же границы стерты. Я не привыкла к таким прикосновениям, но придвигаюсь к нему поближе, хотя голос в моей голове и протестует.

– Не перенапрягайся, – предупреждает он.

Я скалюсь и демонстрирую свою гибкость, придвигаясь к нему еще ближе – к нему и его балетному поясу. Клонюсь вперед и замечаю у него под правым глазом крошечную ро-

динку. Мы так близко, что он мог бы поцеловать меня, если б захотел, и я бы не успела его остановить.

Меня никогда еще никто не целовал. Несколько раз – почти, иногда просто прижимались к моим губам или легонько клевали в нос. Но никогда – страстно и по-настоящему.

Анри перекатывает во рту мятную конфету, она похожа на белую лодку в красном море. По моему лицу течет пот, и руки становятся липкими. Он этого, кажется, не замечает и лишь крепче сжимает мне пальцы.

Сердце бьется в горле, пытаюсь его успокоить. Я должна подняться и вернуться в общежитие. Подготовиться ко сну. Но я не могу. Я словно приклеилась к месту.

– Двигайся.

Мы меняем позу. Он тянет меня вперед, поднимает с пола, и теперь я практически лежу на нем – между нашими телами сантиметров пять. Сухожилия тянутся, болят после прыжков на репетиции. Мы держим позицию несколько секунд, а потом меняемся. Когда Анри наклоняется вперед, я чувствую его дыхание на своем животе. Волосы на руках становятся дыбом, и где-то внизу живота оживает странный ритм, словно тихонечко бьют в барабан.

Я резко поднимаюсь, врезаюсь в Анри.

– Я совсем расслабилась, – мямлю и сжимаю ноги. Жду, когда эти новые странные ощущения улягутся.

В комнате слишком тихо. Я слышу легкое жужжание, оно проникает под кожу, и это одновременно приятно и ужасно.

Слышу его дыхание. Сердце мое бьется все быстрее.

Контролируй дыхание.

Анри удерживает меня на месте и заглядывает прямо в лицо. По спине пробегает холодок – кажется, что меня разглядывают тысячи глаз. Я не успеваю увернуться, Анри наклоняется и касается губами моей щеки и уголка губ. Слишком близко.

Я дергаюсь. С его лица мгновенно сползает улыбка.

– Жизель, прости. Я не... знаю... зачем это сделал.

Я тоже не знаю, как реагировать.

– Ты просто напомнила мне Кэсси, мою бывшую. – Он опускает голову. – Вы обе такие талантливые... а мне ее так не хватает.

Я открываю рот, но ничего не говорю. Нужно встать и уйти, но тело меня не слушается. Ситуация неловкая. Но что я могу сделать? Мы оба новенькие. Он приехал сюда всего за пару месяцев до меня, летом. Нам стоит держаться вместе.

Я заполняю тишину:

– Итак, Франция. Я там была. Ну, в Париже. И Тулузе. И... и в Б... Бол...

Не помню, как там правильно.

– Болонье, – заканчивает Анри низким голосом.

Я краснею. Он сжимает руками мои ноги.

– Когда говоришь по-французски, расслабь губы и производи все медленнее.

Я киваю. Повторяю название города, но снова путаюсь в

длинных французских словах.

– Значит, ты много где была. В моей стране.

Киваю снова. У родителей есть квартира в Девятнадцатом районе недалеко от базилики Сакре-Кер, и мы ездим туда летом, чтобы мама могла порисовать этюды. Но Анри я этого не сообщаю.

– Я родился в Шарантон-ле-Поне, это недалеко от Парижа. Мы с маман переехали в город, когда мне было восемь.

– Тогда ты и начал танцевать?

– Уи... то есть да, – путается Анри. – Мне было почти десять.

– Десять, – повторяю я, не пытаюсь скрыть удивления. Большинство начинают танцевать в пять. Или даже раньше.

– Я быстро учусь. Балет стал моей страстью. Хотя их у меня много. Ты из Нью-Йорка?

– Я? О нет. Из Калифорнии.

– Там никогда не был. Только видел по телевизору. Пляжи, солнце, серфинг, маленькие собачки в сумках, автомобильные погони. И улыбки.

Я игриво ударяю его по ноге:

– Эй, в Калифорнии есть много чего еще.

Он гладит меня по руке, и я отдергиваю ее. И тут же задаю вопрос:

– Скучаешь по дому? Тут тебе нравится?

– А тебе?

– Думаю, да. Начинает нравиться, по крайней мере.

– Будь осторожнее, – предупреждает он. – Кэсси не была.

Анри дотрагивается до моей руки. В животе тянет, и я думаю, привыкну ли к такому количеству парней вокруг. Алек. Теперь вот Анри.

– Что с ней случилось?

Он морщится. Я хочу знать, но не напеваю. Знаю, как бывает неприятно, когда спрашивают о том, о чем даже вспоминать не хочется.

– Просто будь осторожна. Особенно после этой штуки с зеркалом.

Он качает головой и бормочет что-то по-французски. Наверное, проклятия.

– Девочки сказали, что это, скорее всего, Бетт. – Я не уверена, что должна вот так открыто ее обвинять.

– Следи за ней. – Анри касается пальцами моей щеки, и похоже, даже не осознает этого. Я стараюсь не шевелиться. – Не хочу, чтобы ты пострадала.

Лампочки над нашими головами притухают, грозясь вот-вот погаснуть. Игра света превращает его лицо в маску. Теперь он кажется совершенно другим человеком. Брови – гуще, глаз почти не видно, рот изогнут.

Думаю, нам не стоит оставаться здесь, одним и в темноте. Последние ноты «Щелкунчика» изливаются из телефона, и остаемся только я, Анри и тишина. Он снова наклоняется ко мне – свет гаснет – и целует в щеку.

11. Бетт

Уже поздно – почти девять, комендантский час, – но я все равно направляюсь в студию на первом этаже. Иду так, чтобы меня увидело как можно больше народа, минуя нескольких открытых дверей и даже еду в лифте мимо студенческой комнаты отдыха. Хочу, чтобы они видели меня такой, какая я есть: трудолюбивой, целеустремленной и не сломленной, – в самом деле, какая нелепость – Джиджи Стюарт в роли феи Драже. Да и получила она ее наверняка только потому, что позволила мистеру К. прикоснуться к себе чуть дольше, чем нужно. Или провести губами по его шее – вроде как случайно. А то и что-то похуже. Девочки и раньше бросались на мистера К. ради роли. И он действительно иногда принимал их подачки.

Я узнала это из разговоров с Адель. Она случайно об этом упомянула – уж очень много было у них поздних репетиций. Когда работаешь над чем-то с такой отдачей, легко подхватить искру. А если закружилась голова, легче переступить границу.

Но мистер К. никогда ко мне не приставал.

Я знаю историю этого места вдоль и поперек, и когда темная лошадка получает роль, тому должна быть веская причина. Эта мысль меня успокаивает.

На мне новый леотард, голова гордо поднята. Я – идеаль-

ная балерина. Даже одна в комнате с закрытыми дверями, наедине с музыкой и зеркалами. Я – та, кем меня хотят видеть мистер К., и моя мать, и Адель, и вся школа.

Я идеальна.

Спускаюсь на главный этаж, прохожу через холл, в котором убрались для приема родителей крысят. Сворачиваю, чтобы пройти мимо темного офиса мистера К. И вывешенного рядом списка ролей. Заглядываю в каждую студию, чтобы знать, кто танцует, а кто филонит или считает, что домашка по английскому или новый бойфренд важнее.

В одной из студий – Элеанор, но она мало занимается и больше разглядывает себя в зеркале. Раньше мы всегда репетировали вместе, заставляли друг друга выкладываться на полную, обменивались комплиментами. Но как-то раз она сказала, что я слишком серьезно ко всему отношусь и ей это не нравится. В ее словах есть доля правды. Сейчас она действительно выглядит счастливее, когда чуть отходит от зеркала, чтобы полюбоваться собой. Такое я бы не отняла ни у кого, особенно у Элеанор.

Сталкиваюсь с Лиз. Она выжата – наверняка была внизу, в комнате с гирями. Как будто ей это нужно. В последнее время взгляд у нее какой-то пустой, а руки и ноги такие тонкие, что аж страшно. Но мы здесь о таком не говорим.

– Пилатес? – спрашиваю.

– Эллиптический тренажер, – выдыхает она, хватая ртом воздух, и стирает пот с лица. Выглядит отталкивающе.

Лиз продолжает:

– Сожгла шестьсот калорий.

Я хмурюсь. Ей не нужно столько заниматься. За последний год она уменьшилась с респектабельного второго размера до не пойми какого. Минус второго, наверное, если бы такой существовал. Как она вообще себе одежду находит?

– Господи, Бетт, хватит пялиться. – Лиз вытирает последние капли пота и распускает волосы. – Я все хотела спросить... Каково это, практиковаться с Анри?

В ее голосе странная нотка, как будто она на что-то намекает, и мне это не нравится. У нас с Алеком были свои взлеты и падения, но сейчас у нас все очень даже в порядке.

– Ну да, он ничего. – Я уже развернулась, добавляю в тон льда. – Но у меня парень есть.

– А-га, – выдыхает Лиз, затягивая длинные темные волосы в высокий хвост.

Я продолжаю пялиться на ее ноги и не знаю, стоит ли мне волноваться или завидовать. Лиз заглядывает в одну из студий, там мальчики тренируют прыжки. Наверняка ищет Анри.

Сейчас у нас с Лиз нормальные отношения, но когда-то мы соревновались во всем – включая внимание Алека. Но он почти сразу сделал свой выбор, и после нескольких неловких попыток Лиз поняла, что этого ей не изменить. Выглядела она жалко. А потом мы осознали, что сильнее по одну сторону баррикад, а не по разные. Да и смысла в дружбе было

больше.

Лиз направляется в сторону душевой, а я – в студию «С», и мне вдруг вспоминается небольшая ремарка, которую недавно сделала Элеанор: что Джиджи тренируется в старой студии в подвале. Информация получена, время ее проверить. Хочу показать ей, что она и шагу в этой школе не делает без моего ведома. Я вообще мало что упускаю. И Джиджи скоро в этом убедится.

Прохожу мимо офиса диетолога. Замираю у лестницы. В детстве мы пробирались сюда с Элеанор, Алеком и Уиллом и на спор бегали к закрытой двери. Кому дольше всего удавалось у нее простоять, тот получал сладости из тайника. И конечно, бессмертную славу.

Слышу голоса. Вижу, что дверь приоткрыта – совсем чуть-чуть, – спускаюсь на цыпочках, стараясь не шуметь, и заглядываю в щель. А там она. Джиджи. Фея Драже. Только она не танцует. Лежит на спине с раздвинутыми ногами, а Анри помогает ей с растяжкой. В полутьме.

Не знаю почему, но меня бьет дрожь, как будто я вышла на холод. Сюда приходила и Кэсси. Девочка с бессонницей, которой влетело за танцы ночи напролет. Девочка с идеальным прыжком на сто восемьдесят градусов. Единственная девочка из шестой группы, получившая роль солистки в прошлом году. Побила даже меня. Не люблю ее вспоминать. Хочу стереть из памяти и ее, и ее талант. А особенно тот факт, что она – двоюродная сестра Алека.

Волосы Анри падают ему на лицо, и он говорит что-то – отсюда не слышно, что именно. Мне не нравится, как он касается Джиджи. И как она смеется в ответ. И как его пальцы задевают локон на ее шее. Ее голос звучит легко и светло – чересчур красиво. Анри словно им загипнотизирован. И раз уж это действует на него, то почему не может подействовать на Алека, особенно когда начнутся репетиции?

Внутри все сжимается. Я уже и не помню тех времен, когда мы с Алеком не были вместе. Он – герой моих самых первых воспоминаний. Мой отец еще вращался в балетных кругах, и мы с Алеком целовались в темных углах во время званных обедов. Мы всегда были вдвоем.

Достаю телефон и фоткаю Джиджи с Анри. Вспышка слишком яркая, так что я пригибаюсь и быстро сбегая оттуда как можно тише. Меня еще ни разу не ловили на горячем, и я не хочу, чтобы это изменилось.

Бегу обратно в студию «С» и сразу же начинаю танцевать партию Снежной королевы. Делаю пять, десять, двадцать пируэтов, но из головы не идут Джиджи и Анри. Опускаюсь с носочков и брожу по комнате. Кричу на свое отражение – надеюсь, никто не услышал. Надеюсь, никто не увидел, как я распадаюсь на кусочки в этой стеклянной коробке.

Закрываю уши руками и тянусь. Стараюсь насладиться тем, какое изобретательное я написала послание. Я так ждала, когда же его уже найдут. Хотела увидеть, как улыбка спадет с лица Джиджи, как мне повезет, если все будут там. На-

верное, я единственная заметила слезы в ее глазах. Надеюсь, она плачет каждую ночь.

Хотя нет. Надеюсь, она уедет обратно в Калифорнию. Там ей будет лучше, так что нет ничего такого прям ужасного в том, что я этого хочу. Эта девчонка слишком хрупкая, слишком милая и мягкая, чтобы добиться здесь успеха. В каком-то смысле я просто за ней присматриваю. Джиджи поймет, что это для ее же блага. Балет – слишком тяжелая для нее судьба. Здесь нужно быть готовой на все.

Помню, как Адель дала мне первый совет насчет проб. Она отвела меня в сторону от остальных крысят, поправила мне пучок и сказала:

– Шансов у тебя будет немного, милая. Так что пробивайся наверх зубами и когтями.

Адель бы мной гордилась. Может, не всеми моими методами, но мотивацией – точно.

Хватаю гетры и иду наверх. Открываю дверь в комнату – Элеанор спрыгивает с футона и выключает телевизор. На полу свалена куча старых записей с Адель.

– Опять? – спрашиваю я.

– Бетт, у нее же идеальные ноги. Изогнуты, как бананы, – отвечает Элеанор, и я даже не могу это оспорить.

– Я воспользуюсь твоим принтером? – интересуюсь нехотя. Матери я избегаю, так что попросить у нее новый картридж не могу. А покупать некогда.

– Зачем это? – Элеанор снова включает телевизор.

– Сюрприз для Джиджи. – Голос мой звучит выше чуть ли не на октаву, я в предвкушении. – У меня есть парочка фото с ней и Анри в некой компрометирующей позиции.

Элеанор хмурится:

– Опять ты за свое?

Ее слова меня задевают, и я чуть не выпускаю телефон из рук.

– Мы за свое, – огрызаюсь и жду, что она извинится и поможет мне в исполнении моей маленькой шалости, как и тысячу раз до того.

– Ага... Звучит круто. – Она наблюдает за тем, как моя сестра танцует партию Китри из «Дон Кихота». – Расскажи потом, как прошло.

Не позволяю ее нерешительности остановить меня. При-соединяю телефон к компьютеру Элеанор и жду, когда загрузятся картинки. Стараюсь прикрыть экран, чтобы она ничего не увидела, но Элеанор даже взгляда не поднимает. Иногда она превращается в святую. Но я знаю, как это исправить. Распечатываю фото, удаляю с компьютера и выскальзываю из комнаты, пока Элеанор все еще в трансе.

На одиннадцатом этаже пусто – почти все слушают у себя музыку, или сидят в общей комнате перед теликом, или подшивают туфли и тренируются. Я подхожу к Свету и трижды стучу. Никого нет. Закрываю за собой дверь. Выдыхаю. Вокруг меня фотографии прима-балерин, прекрасных тонких тел и идеальных ног.

Когда мне исполнилось двенадцать, мама отправила меня через Центральный парк в общежитие. Наконец-то я стала достаточно взрослой, чтобы жить одной. Тогда я приходила в эту кладовку каждый вечер. Иногда даже засыпала на полу, и меня будили коменданты.

Провожу пальцами по коллажам на стенах и нахожу свободное место. Прикладываю фото и смотрю еще раз на надпись: «Берегись, Джиджи». Кто-то еще ненавидит ее так же сильно, как и я. Я не одинока.

Беру клей-карандаш, который стоит на телевизоре. Мажу фото и с силой припечатываю его к стене – так, словно быю Джиджи по лицу. Делаю шаг назад, чтобы полюбоваться делом рук своих. На первый взгляд совсем неясно, чем одно фото отличается от остальных. Хотелось бы мне увидеть лица людей, когда они это заметят. Особенно Джиджи.

12. Джун

Хорошо, что мне нужно взвешиваться вечером после занятий, мое время – 17:10.

Джиджи куда-то ушла – наверное, нюхает где-нибудь цветочки и собирает букеты. Вся комната в моем распоряжении. Джиджи уже пару дней где-то пропадает, объясняя это тем, будто запах цветов помогает мозговой активности. Да она на любую глупость готова пойти, чтобы стать лучше.

Так, что я сегодня ела? Три чашки чая, половину грейпфрута с щепоткой сахара, рисовый пирог, грамм двести супа, салат из зелени без заправки и несколько кусочков тунца. Хотя до тунца я так и не дошла. Засчитаю и его, потому что он был в салате. Только сегодня я могу есть сколько пожелаю. Нас взвешивают по средам, и день этот отмечают в каждом календаре, которые завешаны по территории школы. Для кого-то вроде Бетт это не проблема. У них есть в запасе парочка лишних килограммов, чтобы медсестра Конни была спокойна.

Но у меня недостача. А у медсестры есть правила. Для своего роста я должна весить 50 килограммов. Я не хочу быть бегемотом в колготках, потому слежу за своим силуэтом, осанкой. За всем. Это необходимо. Я ведь серьезно отношусь к себе и к своим занятиям – в отличие от некоторых остальных девчонок.

Когда я взвешивалась утром, то весила примерно 45 килограммов. Другие бы за такой вес убили. Меня легко поднять. Но здесь, если вдруг будешь весить меньше пятидесяти, тебя сразу отправят домой. А мне нельзя домой. Нельзя.

Наливаю себе стакан воды из электрического чайника. Это уже четвертый за последние полчаса. Сегодня мне нужен вес, и вода – хороший способ. Но этого не хватит. Так что я сажусь за стол и достаю иглу и нитку из сумки, а из ящика стола – четыре корейских вон, которые мне подарила бабушка. Они идеально подходят, потому что тяжелее, чем американские монеты. Выуживаю из шкафа чистый, специальный леотард для среды и выворачиваю его наизнанку. Мы должны надевать на взвешивания именно такие. Между ног есть небольшой тканевый мешочек – отличное место, «а ну-ка не лезь». Кладу вон на электронные весы: почти полкило. В самый раз.

Вон помещаются в кармашек как влитые, я оборачиваю их бумагой и вшиваю в клапан. Никто и не заметит.

Натягиваю леотард поверх розовых колготок и разглаживаю, чтобы ничего не мешалось. Клапан с монетами жмет, как максипрокладка – которые я, к слову, больше не ношу, потому что месячных у меня больше не бывает. Надеваю юбку из шифона, дополняю ансамбль. Становлюсь на весы. Пятьдесят килограммов. На всякий случай выпиваю еще два стакана воды.

Перед тем как отправиться в офис диетолога на первом

этаже, спускаюсь в подвал. Иду в компьютерный зал, печатаю свою впопыхах написанную работу по английскому – у меня все равно еще есть время до приема, а я ненавижу ждать.

Компьютерный зал официально оккупировали корейцы. Они все делают большими группами: едят, смотрят корейские мыльные оперы на ноутах и проводят выходные у тети Сей Джин в Верхнем Ист-Сайде. Сейчас они все разговаривают по скайпу с дальними родственниками: их корейский такой быстрый и непонятный, что я даже выцепить знакомое слово не могу. Борюсь с внезапно возникшим желанием стать частью их группы. Я же видела, какими жестокими они могут быть. Почему я все еще этого хочу?

Сей Джин замечает меня и, как обычно, обзывает на корейском – вся комната смеется. Уверена, что она называет меня *бананом* – или как там по-корейски будет «полукровка». Узнаю маму Сей Джин на экране компьютера и чуть не машу в знак приветствия. Просто чтобы заставить Сей Джин говорить обо мне. Чтобы она соврала, почему мы больше не друзья. Чтобы ей стало неуютно и пришлось изображать привычную корейскую вежливость. Когда мы были помладше, мама Сей Джин навещала нас. Она всегда напоминала мне собственную мать. Мы с Сей Джин постоянно жаловались друг дружке на их постоянный стресс, уродливые прически, презрение к американской музыке и еде. Я научила Сей Джин ругаться на английском, и мы шептали эти ругательства, когда мамы нас злили.

Сей Джин любит языки и научила меня несколькими фразами на корейском, которые я использовала в перепалках с мамой. А потом рассказывала Сей Джин о моем триумфе – и материнский гнев отступал на второй план.

Теперь кажется, что это было целую вечность назад. Я даже не помню, как вела себя тогда, во времена нашей дружбы. А про Сей Джин не помню и поныне.

Сей Джин снимает наушники и отодвигает микрофон.

– Когда ты вошла, мама спросила, что это за уродливая американская девочка, – произносит Сей Джин, когда я уже собираюсь на выход. Акцент только подчеркивает резкость слов.

– А я ответила, что это И Джун Ким, и она мне не поверила. Сказала, что тогда твой американский папаша, должно быть, та еще свинья.

Она делает ударение на последнем слове, словно сейчас все подростки используют это оскорбление. Мне хочется рассмеяться в ответ. Оттолкнуть ее и объяснить ее матери, что именно случилось с нашей дружбой.

– Ах да, ты же понятия не имеешь, кто он. Может, и в самом деле свинья.

Я пытаюсь не показывать виду, что меня это задело, но тело не слушается. Резко вдыхаю, спотыкаюсь о собственную ногу и чувствую, как за ушами начинает скапливаться пот. Силюсь вспомнить свой план, как причинить ей боль.

– Ох, прости, – продолжает Сей Джин, взглядываясь мне в

лицо. — Может, я ошиблась с переводом?

Она улыбается, но на ее идеальной кремовой коже не появляется ни одной ямочки или складки. Конечно, Сей Джин не ошиблась с переводом. Ее английский идеален, но она всегда винит в своей жестокости языковой барьер. А я даже не могу как следует защитить своего неизвестного отца. Я понятия не имею, кто он, знаю только, что он белый. И практически призрак. Другие девочки замолкают, чтобы послушать нашу с Сей Джин перепалку.

Большинство приехало из Сеула, когда им было по шесть лет, в то же время, когда сюда поступала и я. И сначала мы все были друзьями. Они жили у ближайших корейских родственников, и моя мама часто приглашала их погулять по городу. Мы вместе обедали и устраивали ночевки.

Но после того, как Сей Джин распустила обо мне слух, все встали на ее сторону. Они перестали разговаривать по-английски в моем присутствии, перестали приходить в мою комнату ночью, чтобы посплетничать о глупых американских девочках. Я больше не была частью их комфортного сообщества и стала полным изгоем.

Теперь Сей Джин убедила всех, что я не подхожу им, потому что полукровка и не говорю по-корейски, а еще наверняка полезу к каждой с поцелуями. Этого достаточно, чтобы они сторонились меня. Но на самом деле Сей Джин боится того, что я знаю ее секрет. Если узнают они, как изменится их отношение? Что подумает Джейхи? Она превратится

в одиночку.

– Моя мама говорит, что твоя спала направо и налево, чтобы продвинуться по карьерной лестнице, – атакует Сей Джин. – Может, твой папаша один из учителей. Или богач какой-нибудь.

Она наклоняет голову. Я не могу защитить свою маму – может, все это и правда – и уйду, ничего не ответив. Но я знаю, что ее мама ничего такого не говорила. Все это – мои слова. Я сама все это придумывала, когда злилась на нее. Мама Сей Джин относится ко мне хорошо. Всегда гладит меня по голове и говорит, какая я красивая.

Я краснею. Мне тяжело не оглянуться – чувствую прожигающий во мне дыру взгляд Сей Джин. Ее слова все еще эхом звучат у меня в ушах. Иду медленно, с прямой спиной, словно она вообще никак меня не задела.

После эпизода с Сей Джин и ее друзьями стерильный, сверкающий металлом кабинет диетолога кажется почти избавлением. Почти. Но здесь я хотя бы могу посидеть на прохладном столе и насладиться тишиной, пока медсестра Конни не придет и не испортит все. Защитные в леотард воны тихонько звякают, когда я нервно шевелюсь.

Офис медсестры зажат между студиями на первом этаже – постоянное напоминание о том, что она всегда здесь и всегда готова убедиться, что мы следим за своим весом. Все ее инструменты на виду: блестящие зловещие весы, две штуки – одни электронные, а вторые обычные. На стене – сантимет-

ровые ленты, точно змеи – угрожающие, готовые выдавить из тебя самые страшные тайны. И когда это произойдет, ты поймешь, что зашла слишком далеко, что тебя ждет отправка домой, потому что твоих костей и кожи недостаточно для того, чтобы тебя поддерживать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.